

главы из романа

Ольга Иванова

Гаухаршад

9

Продолжаем публиковать отрывки из трилогии

Ольги Ивановой «Повелительницы Казани».

В позапрошлом выпуске («Агат») мы давали главы из романа «Нурсолтан». Сегодня знакомим читателя с ханбикой Гаухаршад, героиней одноимённого романа

Часть 4

Глава 11

СНЕГ за окном полетел белыми мухами. Поначалу он кружился и пританцовывал на месте, покрывая промёрзшую землю. А после поднялся ветер, и снег сделался злым, застучал по крышам и окнам колкой, сухой крупой. В столь ненастную погоду, несмотря на разгар дня, народа на улице не было. Если только изредка промчится по неотложным делам всадник, или одинокий ремесленник поспешит в мастерскую, прикрывшись от разыгравшейся вьюги башлыком.

Валидэ Нурсолтан не могла оторвать взгляда от печальной картины. Вот и раскинулась перед её взором долгожданная Казань. Узнавали её глаза соборную мечеть с торчавшими, как иглы, минаретами, за их шпили цеплялось свинцовое низкое небо. Взмолванный взор примечал и ханаку, которую когда-то возвели под присмотром солтана Халиля. Тогда она была рядом с первым мужем, и никто более неё не заботился об этом богоугодном строении. Она собирала мастеров, следила

за их работами, примечала все неполадки. Да и в ханском книгохранилище осталась память о бывшей казанской госпоже. Библиотека, собранная её стараниями, процветала и сейчас. Нурсолтан обрадовалась, когда нашла в этом красивом зале со сводчатыми потолками и расписными стенами прежнего хранителя. Когда она покидала Казань, Муса-ага был полон жизненных сил, теперь же её встретил старик, согбенный тяжестью своих лет. Но, как и прежде, он помнил, в каком сундуке хранилась какая книга и когда великая госпожа Нурсолтан доверила это сокровище его заботам. Она помнила дворец казанских повелителей до каждого его закоулочка, от обширных галерей до полутёмных переходов, освещаемых лишь большими медными светильниками на высоких ножках. И дворец помнил её. Когда она прикасалась к старым стенам, казалось, что камень отвечал ей и возвращал видение далёких лет, когда она, молодая и красивая, шла по этим коридорам, едва касаясь стен летящим вослед покрывалом. То были времена, когда в Казани правил её тонко чувствовавший, несчастный муж – хан Халиль, а после второй супруг – властный и же-

стокий Ибрагим. Их останки покоились недалеко от дворца в четырёхугольном тюрбе. Крыша, расшитая каменными узорами, прикрывала последнее пристанище казанских повелителей подобно огромной драгоценной тюбетейке. Не одно поколение искусных резчиков потрудились над этим строением. Приложили свои руки и казанские мастера, и пленные резчики по камню, добытые силой оружия в чужеземных странах и доставленные служить в ханские мастерские.

Она порадовалась стремлениям старшего сына воссоздать в столице прекрасные здания. Хан Мухаммад-Эмин спешил собрать со всей Земли Казанской лучших мастеров. Засылал управляющих на невольничий базар выискивать среди живого товара не луноликих дев, а именитых каменщиков, плотников, умелых резчиков, зодчих. На озере Кабан стараниями казанского повелителя ожил и разросся малый загородный дворец. Его ажурные постройки поразили взор крымской госпожи даже в это не лучшее время, когда в саду стояли голые деревья, раскорячившись мокрыми, тёмными сучьями, а земля была ещё черна и непривлекательна. И сам двор Мухаммад-Эмина живо напомнил валидэ свиту хана Халиля. Её старший сын приблизил к себе поэтов, музыкантов, мастеров художественной

росписи, изящных каллиграфов, умевших своим калямом творить чудеса и создавать бесценные по красоте книги. В Казани процветали медресе, и шакирды, ищущие зерно знаний, съезжались в эти стены не только со всего ханства, но и из дальних улусов и стран. По всему Казанскому ханству разрастались суфийские братства. Знаменитые суфии селились в больших аулах, даружных городах, повсюду открывали свои мектебе¹.

В первый же день прибытия Нурсолтан в Казань старший сын послал к матери известного во всём арабском мире певца Гуляма Шади Гуди².

Мухаммад-Эмин сладкоголосого певца отправил с почтительными словами, раскрывшими перед матерью тонкую, поэтическую душу сына.

— Примите, валидэ, мой дар. Музыка и песня для некоторых людей лишь опахало, что навевает желанную прохладу, для других она — пища. Для вас же, моя дорогая мама, пусть она станет лекарством, изгоняющим вашу печаль и боль из души.

Этот певец, который прославился

¹ Мектебе — школа.

² Ко двору хана Мухаммад-Эмина в качестве подарка ханом Бухары и Самарканда Мухаммадом Шейбани (1451–1510) были посланы музыканты, поэты, художники и известный певец Гулям Шади Гуди.

От автора

Из истории Казани: Гаухаршад

В энциклопедиях о ней лишь несколько скупых строк. Она — дочь казанского хана Ибрагима и ногайской бики Нурсолтан, сестра ханов Абдул-Латыфа и Мухаммад-Эмина. После кончины обоих осталась единственной представительницей рода Улу-Мухаммада, основателя Казанского ханства. Участница многочисленных заговоров и переворотов. Была регентшей при несовершеннолетнем хане Джан-Али (первом муже Сюмбеки).

Известно, что Гаухаршад не являлась сторонницей крепкого союза с Московской Русью, как её мать Нурсолтан. Но, обладая изворотливым умом и природной хитростью, она умела смиряться с обстоятельствами и терпеть на казанском троне ставленников великого князя. Даже в нещедрых

Ольга Иванова

подобно неподражаемому соловью, оказался бесценным подарком. Гулям Шади Гуди тешил слух валидэ Нурсолтан волшебными напевами всю долгую зиму, пока она проживала в столице Казанского ханства. Помогал забыть об ещё одной, скрытой боли её сердца – строптивой дочери. Гаухаршад не пожелаала встретиться со своей матерью. По слухам, она умчалась в одно из самых дальних поместий, словно опасалась, что Нурсолтан, не выдержав разлуки, отправится к ней сама. Тая свою тоску,

валидэ расспрашивала сына о дочери, он отвечал с неохотой. Последние годы отношения повелителя с высокородной сестрой покрылись льдом отчуждения и непонимания. Мухаммад-Эмину доносили о вольном образе жизни, какой вела вдовствующая ханбика, о том, как часто сестра могла отвергать правила, которым должна была следовать порядочная мусульманская женщина. Он угадывал, как много ещё Гаухаршад скрывала за закрытыми воротами своих поместий, и что прятала в уголках сво-

на описание документальных источниках прослеживается личность незаурядная, властная, с жёстким, неженским характером. Гаухаршад, как одна из самых влиятельных политических фигур того времени, недолго терпела тех претендентов, которых ставила над Казанью Москва. Ханбика возглавила заговор, в результате которого убили хана Джан-Али, она же явилась инициатором изгнания из ханства брата Джан-Али, Шах-Али.

Однако Гаухаршад была так же нетерпима и к представителям крымской династии, ханбика вместе с главой правительства эмиром Булат-Ширином задумала и привела в исполнение заговор против хана Сафа-Гирея. Следует отметить, что пришлые ханы на казанском троне вели себя, как захватчики и бессовестные грабители, они меньше всего заботились о процветании и благополучии Земли, которой правили. Потому перевороты задумывались и совершались, когда чаша терпения аристократии и народа переполнялась. Во многих случаях чернь и знать действовали рука об руку и изгоняли ханов по обоюдному горячему желанию.

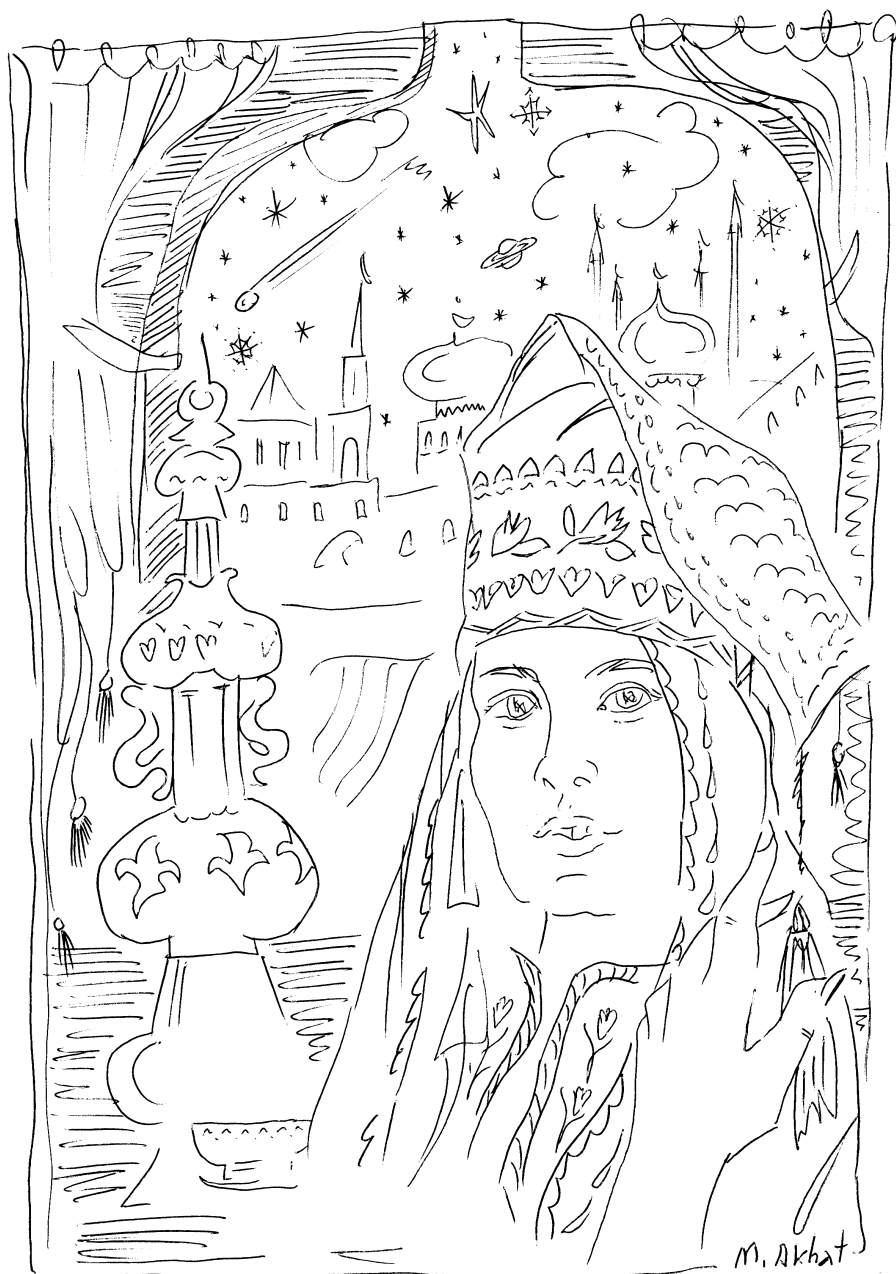
ей души. Властная ханбика, рождённая для хитроумных интриг и стремлений строить судьбы подданных по своему усмотрению, не удивила бы его очередным заговором. Несмотря на эти мысли, повелитель закрывал глаза на выходки младшей сестры, сожалел лишь о вырванном когда-то Гаухаршад обещании не устраивать её браков. Если бы он выдал строптивую ханбику за одного из верноподданных эмиров, то поведение сестры стало бы заботой её высокопоставленного мужа. А ныне он сам не мог понять, как заставить Гаухаршад прибыть в столицу и припасть к ногам их матери. Ведь не тащить же ханскую дочь через все подвластные земли под охраной свирепых стражей!

А пока, стремясь отвлечь крымскую валидэ от тяжких дум, повелитель устраивал для неё приёмы, ханские охоты и бесчисленные развлечения. Сам Мухаммад-Эмин являлся на них с гостем – крымским солтаном. Сагиб-Гирей своей почтительностью, вежливыми манерами, приятной внешностью и лёгким нравом покорила сердце повелителя. Сорокалетний хан украдкой любовался статью юного солтана, державшегося на коне с завидным умением, словно он был рождён со стремени в ногах и с уздой в руках. Восхищался его меткостью и удалью в охотничьем деле, быстрой сноровке в джигитовке. Да и в деле прекрасных искусств солтан сумел поразить Мухаммад-Эмина. Как оказалось, Сагиб-Гирей одинаково хорошо владел игрой на бубне и курае. Он умел зажечь весёлой песней сердце повелителя и его гостей, выжимал слезу пе-

чальными напевами, пришедшими ещё из колыбели всех татарских ханств – из самой Золотой Орды. Ах, какой острой болью заходило сердце хана Мухаммад-Эмина при взгляде на Сагиба! Не давал Всевышний ему детей. Не было у него такого же сына – красивого, ловкого и приятного в обхождении. Всех жён и наложниц повелителя словно поразил рок бесплодия. Жили они в его гареме красивые и яркие в своих нарядах, как цветущие по весне деревца. Но наступало лето, и осыпался цвет и не давал его красивый сад завязей и плодов. И великому хану казанскому, который прославился в народе славными битвами и блистательными победами, и возвратил былой блеск и величие трону прадеда Улу-Мухаммада, становилось больно и горько. И страшно было от мысли, что уйдёт он с этой земли, так и не оставив живого следа, потомков, продолживших род его. Чтобы унять эту боль, повелитель принимался строить новые здания. Под его рукой, ценителя прекрасного, возводились величественные мечети, строгие медресе и ханаки, изящные имения. Ханский дворец украшался банями, фонтанами и водоёмами, садовыми уголками и прекрасными беседками. И другие творения создавал Мухаммад-Эмин. Под его талантливым калямом рождались изящные рубайи и касыды, где воспевались просторы родных лугов и полей, красота лесов и могучих рек. И говорил казанский государь своим подданным:

– Всяк пишущий предстанет когда-нибудь пред очами Всевышнего. Но всё, что пишет рука его, – вечно!

Но не всегда удача была на стороне опытной в дворцовых интригах ханбики. Известно, что во второе правление хана Сафа-Гирея, когда был задуман очередной переворот, представители крымской аристократии сумели разоблачить заговорщиков. Историками отмечается, что после неудавшегося заговора ханбика Гаухаршад и улу-карачи Булат-Ширин сходят с политической сцены. Что на самом деле случилось с этими крупными деятелями Казанского ханства неизвестно. Но смею предположить, что хан Сафа-Гирей расправился со своими давними могущественными

недоброжелателями. И скорей всего Булат-Ширин был убит или казнён. Что же касается последней из рода Улу-Мухаммада ханбики Гаухаршад, то народный фольклор сохранил две легенды на этот счёт. В одной говорится, что царица, которой прорицатель предсказал скорую гибель её страны, покончила собой, бросившись в озеро Кабан. Она не захотела быть свидетельницей несчастий, грозивших посыпаться на головы казанцев. Другая легенда повествует, что, окончив свою жизнь на дне озера Кабан, Гаухаршад превратилась в Водяную ведьму – Убыр, и с тех пор утаскивает

Глава 12

14

главы из романа

А валидэ тосковала и вспоминала о дочери. Много лет стремилась она к этой поездке, уговаривала мужа своего хана Менгли отпустить повидаться с детьми. Крымский повелитель хмурил брови, находил поводы, придумывал отговорки. И если бы не потребовалось отправиться в Москву и Казань умного и влиятельного переговорщика, то никогда не увидала бы Нурсолтан детей и этих земель. И вот исполнились мечты матери, обняла она любимого сына Сатыйка, прижалась к груди Мухаммад-Эмина, а вот дочери рядом не оказалось. Произвела она её на свет в этом дворце в страшный день смерти отца Гаухаршад, родила в нескончаемых муках и страданиях. Пришла в мир единственная дочь, чтобы терзать сердце матери до скончания века, словно и не уходили никогда жестокие муки. Валидэ умела про них забывать, сколько дел и забот дал ей Всевышний. В государственных хлопотах, великих делах и стремлениях эту ноющую боль она отодвигала, скрывала от всех, даже от себя самой. Только меньше она не становилась!

Как не хотелось крымской валидэ покидать Казань, но неумолимое время приближало час отъезда. Сейчас, на закате своей жизни, Нурсолтан в полной мере осознавала, как счастлива была здесь! И самыми светлыми и беззаботными были дни её замужества с Халилем. Она не раз посещала место последнего упокоения хана. Усыпальница казанских правителей

встречала её тишиной, лишь изредка нарушаемой быстрым полётом птиц, угнездившихся под куполом величественного строения Хан-Джами. Нурсолтан подолгу замирала у каменных надгробий. Гладила ладонями узоры, которые вытесали руки искусных камнерезов. Затейливо выписанные имена повелителей украшали дорогие камни – кровавые рубины, зелёные изумруды, тёмно-синие сапфиры, золотистые топазы. Но ханы, лежавшие под каменными плитами, были равнодушны к блеску бесценных сокровищ. Не трогали их души занавеси из золотой парчи, бархатные покрывала, расшитые жемчугом и богатой вышивкой. Мирно покоились они рядом, оставив свои разногласия и ненависть в людском мире. Нурсолтан замерла у плиты, под которой покоился Ибрагим, повела с ним безмолвный разговор:

«Думала ли я, мой покойный супруг, что любовь, казавшаяся вечной и огромной, как сама Вселенная, станет тяготить и мучить меня? Нет в моём сердце того огня, что не давал расцвести нашему счастью. Утихла любовь к Менгли, растворилась, как драгоценный напиток бесследно растворяется в необъятных водах моря, как дым развеивается на ветру. Ушла любовь, и осталась тоска. Тоска по родному дому, по Казани, по детям. Боль оттого, что единственная дочь так и не допускает мать до своего сердца. Ах! Ибрагим, если бы развеялись тучи непонимания, что нависли над нами, я бы прижала Гаухаршад к своей груди, взяла её боль! Но дочь упряма и

на дно юношей и мальчиков. Как бы то ни было, но народная память даёт нам вполне правдоподобную версию, что после провала заговора ханбика пыталась бежать из Казани по воде и утонула в водах Кабана.

В романе Гаухаршад предстаёт личностью противоречивой, необузданной в своих желаниях. Непросты её отношения с матерью. Даже историкам отмечается, что Нурсолтан была мудрым политиком и умной женщиной, увлечённой государственными делами, куда больше, чем воспитанием собственных детей. Однако сыновьям она уделяла своё внимание, заботилась об их судьбе, прочила в ханы, исподволь готовя им казанский трон. Единственной же дочери предстояло стать супругой в гареме высокородного сановника, а для этого не так уж много нужно. Не в истоках ли

непокорна, как и ты, великий хан! Она во всём похожа на тебя, Ибрагим...»

Валидэ покидала Хан-Джами, и покой воцарялся в душе. Казалось, что давно ушедшие люди, с которыми госпожу связывали узы брака, выслушав, прощали её ошибки, понимали смятение и печаль. Они были безмолвны, эти роскошные, белокаменные усыпальницы, но она умела говорить с ними, умела и слушать.

Перед отъездом Нурсолтан отправилась в ханские мастерские. Ещё по приезде заказала она местным мастерам расшить чадры. Покрывала с глухой чёрной сеткой она привезла из Бахчисарая, но желала, чтобы Казанская Земля украсила их, вдохнула в плотный шёлк жизнь лёгких и изящных, как песня, узоров. Заказ госпожи уже ожидал свою владелицу. Нурсолтан обходила ряд развешанных покрывал, восхищалась мастерством искусных вышивальщиц. По тёмно-зелёному шёлку вился узор цвета первой нежной зелени с вкраплениями белоснежных цветов, расшитых жемчугом. По излюбленному валидэ голубому шёлку прошлась серебряная канитель, а к ней бадахшанский лазурит. Тот самый драгоценный лазурит, который считался священным и добывался только в одном месте мира, — среди труднодоступных гор Восточного Гиндукуша на коях Сары-Санги¹. А фиолетовой чадре пришлось по вкусу

¹ Сары-Санги, так называлось месторождение лазурита на северо-востоке Афганистана.

золотое шитьё, нежно-розовые кораллы и гурмыжское зерно. Нурсолтан любовалась узорами, умелому сочетанию цветов, волшебными переливами камней. Знала: ни один месяц будет украшать её наряды труд казанских мастериц. И в далёком Бахчисарае крымской госпоже будет не так одиноко, когда укроется она под чадрой, хранившей тепло и любовь женщин с берегов Итиля.

В эти дни валидэ, наконец, собралась поговорить с сыном по душам. Не о поэзии, не о творениях белокаменных, а о том, что казалось невесомым, но било больней и смертельней прочего. Заговорила Нурсолтан об отношениях между Москвой и Казанью. Старший сын её слова выслушивал со вниманием, привычно перебирал чётки, скользил таким родным, синим взглядом по взволнованному лицу матери. А Нурсолтан впервые не могла выстроить речи стройной и красивой, говорила сумбурно, торопилась выплеснуть то, что копилось на сердце годами, то, чем жила ещё в прежние времена:

— Послушай, сын мой, и в речах этих прими часть души моей. Поверь помыслам матери, ибо наставляют они на путь добра и истины. Удел твоего отца дорог и мне, Эмин, в нём осталась половина моей жизни, и не отнять этой части, не забрать с собой в Крым. Болит сердце моё, когда вижу около тебя эмиров злоречивых и корыстолюбивых. Их деяниями чёрными, их молитвами изгоняли тебя однажды из удела отца. И брата твоего младшего — Абдул-Латыфа сгубили их наветы подлые! Не связывая,

недополученной от матери любви и заботы кроется вражда ханбики к Крыму (где она, кстати, выросла), и её нежелание следовать политическому курсу, поведущему Нурсолтан.

По сюжету романа, Гаухаршад всю жизнь борется с участью, которая обычно ждёт всех ханских дочерей, ради этого она готова нарушать общепринятые нормы поведения женщины в мусульманском обществе. Ханбика считает, что получила эту возможность по праву своего высокого рождения. Она хочет сама руководить своей судьбой и сравняться с мужчинами.

И как повествуют всё те же скупые строки документальной истории, во многом это её стремление исполнилось.

сын, надежды свои с карачи, не смотри на них. Обороти взор к тому, кого исконно врагом считал – к князю Василию. Сделай врага другом и братом добрым, потому как только князю урусов под силу заставить властолюбивых эмиров слушаться тебя и почитать, как повелителя и владыку. Проси у Москвы не малого, не долгого мира, а проси мира вечного! Покайся перед Василием в грехах своих за то, что бил его войско и ходил на московские города. Василий твоё покаяние примет, ему не с руки воевать сейчас с Казанью. А заключишь добрый, крепкий мир, и отступятся враги твои тайные, разойдутся, как туман сырой под лучами солнечными. И брату твоему младшему, крови родной, будет легче жить в земле урусов, будет мирно править он Юрьевом. Любя тебя, государь московский и Латыфа полюбит, как брата своего названного!

Речи матери лились, заполняли душу казанского хана. Во многом он думал так же, как и сама валидэ, и слова Нурсолтан убеждали его в правильности избранного пути. Он уже встал на дорогу переговоров с великим князем Василием III. Два года назад исполнил требование московского господина и освободил русский полон, взятый в последних разгромных битвах. Через крымскую госпожу, с которой были давние, добрые отношения ещё у отца нынешнего князя – Ивана, ему следовало и дальше крепить мир с урусами. Не сам ли Всевышний прислал ему мать с её доброй миссией? Он заглядывал в будущее гораздо дальше слепых в своей сиюминутной корысти вельмож. Не заключи он крепкого мира сейчас, поведи строптиво плечом, отправь воинов в воровские набеги на земли урусов, и Москва подымится над Казанью. Пойдёт тогда Русь на ханство, как медведь на рогатину, а силы сломить того медведя у казанцев давно уж не было.

Мухаммад-Эмин обратил строгий, задумчивый лик к матери. Нурсолтан стояла перед ним, сложив руки на груди, с мольбой глядела на сына, словно наблюдала за мыслями, мнутыми в

его голове. Казанский хан шагнул к матери, обнял её, как не обнимал давно. Объятия сына были надёжны и покойны, валидэ вечно стояла бы так, положив голову на плечо Мухаммад-Эмина. Даже с её любимцем Абдул-Латыфом не было ей так покойно, а о дочери, которая так и осталась чужой, Нурсолтан в эти мгновения старалась не думать. Две боли было у неё, две любви – Абдул-Латыф и Мухаммад-Эмин.

– Не бойтесь, мама, – тихо говорил повелитель, – я сделаю всё так, как хотите вы. Мы вместе победим наших врагов. О трон Казани не обопрётся чужая нога, поверьте, моя валидэ...

Глава 13

Гаухаршад погоняла коня. Мчалась так, что вихрь пыли завивался столбом, заставлял задыхаться ногайцев, мчавшихся за ней. Казанские ворота были распахнуты широко, радушно. По перекинутому через ров деревянному мосту одnogорбый верблюд тянул волокуши с брёвнами. Всадница пронеслась стрелой, едва не сбив с ног погонщика, лениво помахивающего камчой. Погонщик закричал сердито, замахал руками и отскочил теперь уж сам. Лишь его глаза испуганно поглядывали из-за массивного горба верблюда за свирепыми ногайцами, пронесившимися следом. Простучали глухой дробью конские копыта по дереву моста, мелькнул перед глазами лошадиный оскал, с клочьями пены летящей во все стороны, взметнулись и опали косматые гривы – и исчезли всадники, словно их и не было.

Гаухаршад бросила коня на Ханском дворе, кинула поводья подбежавшему конюху и поспешила по лестницам и через вереницу бесконечных зал. Но роскошные залы, заставшие в красоте голубых мозаик, зелёных узоров, мраморных водоёмов и фонтанов, были пусты. Тишиной встретила и приёмная хана. Страж, которого госпожа своей стремительностью вывела из полудрёмы, указал на сад. Гаухаршад поспешила через внутренний дворик и ока-

залась в тенистом уголке, зацвётшем в эту позднюю весну особенно буйно. По посыпанным песком аллеям гуляли нарядные вельможи, приближённые повелителя. В беседках предавались философским измышлениям придворные мудрецы, звездочёты и поэты. Их калямы поскрипывали, нанося на бумагу очередную мудрость, которую изрекали уста. Женщина не задерживалась нигде и не отвечала на поклоны и почтительные приветствия придворных. Она так торопилась увидеть Мухаммад-Эмина, что не замечала удивлённых взглядов царедворцев, никогда не видевших блистательную сестру хана в столь растрёпанном виде. На повороте одной из дорожек Гаухаршад спугнула стаю важно шествующих павлинов. Испуганный самец с красивым бирюзовым хохолком вскрикнул протяжно и торопливо побежал по молодой траве, позабыв сложить роскошный хвост. Невзрачные самки устремились за ним, спешили убежать от суматохи, которая была так непривычна для сада уединения и созерцания. Лишь увидев брата, появившегося на соседней аллее, Гаухаршад заставила себя остановиться. Она отдышалась, поправила покрывало и внезапно смутилась, устыдилась запylённых одежд, пропахших едким конским потом. А Мухаммад-Эмин шёл по дорожке, заложив руки за спину, и любовался цветением огненных тюльпанов, чьи луковки были присланы в дар из Крыма. Повелитель удивился неожиданному появлению сестры, посмотрел на неё строго, осуждающе:

– Что привело тебя во дворец, Гаухаршад? Ты не пожелала ответить ни на одно моё приглашение и не являлась ко двору всю зиму!

Она поклонилась нарочито медленно, собиралась с мыслями, а они стремились выплеснуться на могущественного брата необузданными словами. Только ханбика должна была облечь их в доступные речи и объяснить горячее желание, приведшее её в Казань. Но все слова куда-то исчезли, осталась одна назойливая мысль, буравившая

молодую женщину: «Где же мама? Почему я не вижу крымскую валидэ?»

Брат был прав: на все приглашения Мухаммад-Эмина увидеться с матерью она отвечала отказом, а когда повелитель стал особо настойчив и вовсе отмачивалась. Далёкие обиды на валидэ бушевали и не утихали в её сердце. Гаухаршад даже бежала из собственного имени, только бы не встретиться с матерью, не видеть вновь превосходства Нурсолтан, необъяснимой власти над мужчинами, которые становились в присутствии её матери безмолвными истуканами. Для Гаухаршад время остановилось там, в далёком крымском прошлом. Ей не приходило на ум, что женская красота матери могла поблекнуть с годами, а неумолимая старость унести былое очарование. Ханбика прожила всю зиму в полной уверенности, что не встретится с матерью никогда. Но два дня назад, когда её управляющий вернулся из Казани и сообщил, что крымская валидэ собирается отбыть в Москву, что-то перевернулось в душе молодой женщины. Часами она сидела в полной неподвижности, уставившись в одну точку, и не желала ни с кем вести речей. А сегодня на рассвете, словно невидимая сила столкнула ханскую дочь с ложа. Она бросилась в конюшню, сама запрягла любимого жеребца. Телохранители, разбуженные охраной, бежали вслед за ней. А Гаухаршад не могла ни говорить, ни приказывать, непонятная сила, будто на крыльях, несла её в Казань. Это дочь спешила к матери, чтобы выплакать на её груди свою несчастную судьбу, чтобы только ей одной признаться, как холодно и одиноко жить в этом жестоком мире. Казалось, встань сейчас перед ней разливы рек, превратись мосты в огненное жерло, она бы всё равно рвалась вперёд в неистовом желании припасть к коленям матери, увидеть её глаза, почувствовать материнскую ласку.

– Я хотела проводить валидэ Нурсолтан, – наконец, произнесла ханбика. – Хочу увидеть нашу мать.

– Но вы опоздали, Гаухаршад. –

Мухаммад-Эмин отвернулся и пошёл дальше по дорожкам. Она брела за ним следом, до конца ещё не понимая, что означали его равнодушные слова. Но сердце поняло вперёд затуманенного волнением сознания, и слёзы закипели в уголках глаз и побежали по щекам. «Она уехала, – плакала душа, – и я больше никогда не увижу своей матери! Я никогда не скажу ей того, что хотела сказать. Почему же материнское сердце не услышало моих страданий, почему не поспешило утешить свою дочь?»

Мухаммад-Эмин обернулся к ней. Слёзы сестры озадачили, а вскоре и растрогали его. Он покачал головой, проговорил устало:

– Пойдёмте со мной, ханбика, валидэ Нурсолтан кое-что оставила для вас.

Гаухаршад очнулась, поторопилась за повелителем. В сердце теплилась надежда. Должно быть, мать оставила ей письмо, тёплое наставление, которое Гаухаршад будет беречь, хранить и читать ночами, впитывая истерзанной душой слова любви и понимания. Оказавшись в приёмной, ханбика даже зажмурилась, как маленькая девочка, ожидавшая чудесного подарка.

– Возьми, Гаухаршад, – Мухаммад-Эмин сунул в руки сестры бархатный футляр. Ханбика медленно раскрыла глаза. В футляре лежали серьги, дорогие, красивые, ещё одна изящная безделушка, каких у Гаухаршад была тысяча.

– А... письмо? – хрипло спросила она.

– Письма нет, – несколько удивлённый, отвечал Мухаммад-Эмин.

Гаухаршад засмеялась, сначала тихо, недоверчиво, а после с истеричным криком. Она швырнула в угол украшение, уставилась на хана непримиримым взглядом:

– Я ненавижу её! Ненавижу эту женщину, она сделала пустой мою жизнь!

Жгучая пощёчина ожгла щёку. Гаухаршад ухватила за пылающее лицо, затравленным взором смотрела во взбешённое лицо повелителя:

– Вы можете убить меня, брат, но

я никогда не откажусь от своих слов. Наша мать – чудовище! Она презирает меня, но и я отвечаю ей презрением! О, если океан обрушится на мою голову, ему не смыть, не затушить моей ненависти!

– Замолчите, ханбика! – Мухаммад-Эмин тяжело дышал, глядя на рыдающую сестру. В глубине души у него теплилась жалость к молодой женщине. Что бы она ни кричала, что бы ни говорила в порыве гордости и досады, чутким сердцем он видел: Гаухаршад любит свою мать, но скрывает эти чувства от всех, даже от самой себя. В ней по сей день бушевала неудовлетворённость маленькой девочки, недополучившей материнского тепла и ласки, тоска ребёнка, которого признавали, но никогда не любили.

– Вам лучше отправиться в бани, – глухо произнёс хан. – Ваш грязный вид внушает отвращение, высокородная ханбика.

Она усмехнулась тяжело, почти по мужски:

– О, повелитель, водами сотен бань не смыть грязи, в какую бросила меня блистательная валидэ. Она отвернулась от меня ещё при рождении, она позабыла дать дочери самое главное приданое – свою любовь.

– Мне тяжело слушать ваши несправедливые речи, Гаухаршад. Пусть нас рассудит Всевышний, только ему одному по силам разобраться в хитросплетениях наших судеб. Я прикажу приготовить для вас покои, вы отдохнёте с дороги, а после отправляйтесь. Мне не хотелось бы видеть вас в ближайшее время, ваша душа пропитана ядом, я не хочу отравиться вашей злостью, сестра. И помните, ханбика, даром говорят мудрые, те, что собирали крупитцы мудрости веками: «Тот, чья злоба не имеет границ, тот, кто обвинит ея, как повиликой, скоро приведёт сам себя туда, куда хотел бы втолкнуть его только злейший враг!» Прощайте, сестра.

Мягко стукнули створки дверей, а Гаухаршад так и не шевельнулась. Сердце её было пусто, казалось, в нём

иссякли все соки жизни, питавшие молодую женщину. Она медленно шагнула к большому зеркалу – драгоценному дару венецианских купцов. Из зеркала на неё глядело осунувшееся лицо с лихорадочно горевшими глазами, волосы были растрёпаны и спутаны в бешеной скачке и метаниях по дворцу в поисках матери. Нурсолтан пришла в её жизнь мимолётным видением и исчезла навсегда, оставив за собой лишь пустоту и горечь.

– Прощайте, мама, – прошептали пересохшие губы. – Что мне слова брата, окружившего себя сворой празднословных болтунов. Он видит в их словах мудрость, но не видит души собственной сестры. Пусть будет так, пусть наши дела судит Всевышний, а я больше не желаю вспоминать о вас, мама. Никогда! И всё, что было дорого для вас, будет чуждо для меня, навсегда¹...

Глава 14

В конце зимы года 944 хиджры² в Москву прибыло казанское посольство во главе с сеидом Шах Хусейном. Целью Казани было заключение вечного мира. Послы в Москве были приняты с большими почестями. Крымской госпожой Нурсолтан была подготовлена надёжная почва для переговоров, и новый казанский сеид ощущал это во всём. По просьбе Мухаммад-Эмина государь московский направил в Казань своего верного, приближённого боярина Ивана Челяднина. Ему, доверенному лицу князя, казанский хан лишь для ушей Василия III донёс об истинных причинах своего бунта против Москвы. Боярин Челяднин уверил великого князя, что Мухаммад-Эмин более не предаст

своих союзников, и он искренне желает заключения мира. Договор был подписан, и, казалось, за этим наступали годы процветания и мирного благоденствия. Но Всемогущий Аллах судил иначе.

Уже летом следующего года сыновья крымского хана Менгли-Гирея ослушались своего стареющего отца и напали на земли Московской Руси. В ответ разгневанный князь Василий приказал бросить в темницу хана Абдул-Латыфа. Жертва дворцовых интриг, сделавшаяся на долгие годы заложником в руках князей Московских, Абдул-Латыф вновь познал все тяготы заточения. И сколько молитв не возносила к небесам его несчастная мать Нурсолтан, сколько не требовали его освобождения Бахчисарай и Истанбул, участь опального хана не смягчалась.

А сеид Шах-Хусейн вернулся в Казань с желанным миром. На ханский диван, где собрались карачи, знатнейшие тарханы, прославленные огланы и сам повелитель Мухаммад-Эмин, сеид подобно тончайшему кувшину из драгоценного фарфора внёс фирман о вечном мире.

– Теперь московский господин открывает пути торговли для наших купцов, – мечтательно произнёс улу-карачи Шах-Юсуп. – Торговцы ожидают, когда можно будет отправиться за северными мехами, на базарах Казани ощущается их нехватка.

Словам Шах-Юсупа повелитель не удивился, знал, что род Ширинов издавна наживался на торговле мехами. Может, оттого отец нынешнего улу-карачи, казнённый эмир Кель-Ахмед, так долго держался за союз с москвитями? Карачи передавали грамоту из рук в руки, разглядывали вислую восковую печать, вглядывались в ровные строки. Один лишь эмир из рода Аргын не взглянул на фирман, с презрением оглядел радостно-возбуждённые лица вельмож и громко спросил:

– Вы радуетесь миру, заключённому с вашим злейшим врагом?! Вчера вы били этого врага, а сегодня склоня-

¹ Согласно русским летописям Нурсолтан отправилась из Казани в Москву в июне 1511 года. Более пяти месяцев она прожила у младшего сына в Юрьеве, её пребывание в пределах русского княжества сопровождалось серией переговоров между крымским, московским и казанским правительствами.

² 944 год хиджры – 09.1511 – 09.1512 года.

етесь перед ним, отправляете в Москву пленных, завоёванных победами ваших воинов! Где же ваша доблесть, благородные казанцы?

Мухаммад-Эмин вскинул голову, за аргынскими эмирами давно тянулся шлейф дыма от усердно разжигаемого ими огня недовольства. Достаточно было вспомнить старого Урака, который проживал за пределами ханства под рокой сибирского правителя. Эмиры из рода Аргын готовы были разжечь костёр войны ради Шейбанидов, которым они служили с большим удовольствием, чем роду Улу-Мухаммада.

— А мы и не стремимся превратиться в мирных пахарей и торговцев! — резко ответил повелитель. Он притушил гневный всплеск, взял себя в руки и уже спокойно продолжал: — Сегодня я желаю вынести на суд карачи своё решение. Желаю, чтобы налоги с ханских даруг направлялись не на украшение жилищ и жён, а на закуп огнестрельного оружия. Мы отправим караван в Турцию, к правоверному султану, который не откажется вооружить наше войско. Истина в словах: «Кто желает мира, пусть готовится к войне». А доблесть, в отсутствии которой вы нас попрекнули, уважаемый эмир, имеет ряд ступеней. В первой ступени мы сумели проучить сильного врага, наточили свои клинки и обрушили их на самонадеянные головы московитов. Вторая ступень в том, что к своим победам мы прибавили мудрость и благоразумие. И ныне мы держим в руках договор о вечном мире, но в нашей крепости не проживают воеводы, и под стенами не стоят их воины, а великий государь московский величает себя не отцом нашим, а братом равным! Кто же сможет обвинить нас в потере доблести?

Казанские вельможи, слушавшие со вниманием речи повелителя, оживились, поддержали Мухаммад-Эмина одобрительными криками и восклицаниями:

— Воистину: война приятна только тем, кто её не испытал!

— Сила урусов велика, зачем драз-

нить медведя, не лучше ли улестить его сладкими речами, но в свой удел не допускать?

Со своего места поднялся известный мудрец Аль-Кавус Багдадский:

— Правоверные, не сказал ли непревзойдённый Джами¹: «Как не грохочет эхо громких дел, у эха и у славы есть предел». Смиритесь же с тем, что вы имеете! Не говорится ли в священном Коране: «Если бы Аллаху было угодно, он бы сделал нас всех одним народом, но он испытывает нас!» Когда мы бросаемся в пасть к Иблису, когда куём зло, поднимаем меч войны, не наказывает ли Всемогущий нас смертями и бедами неисчислимыми? Поднимайте свои клинки лишь тогда, когда враг грозит вам, если же враг просит мира, примите его с чистой душой и открытым сердцем, как брата своего. Но не уподобляйтесь беспечным юнцам, верящим, что мир этот вечен, а небо всегда будет синим, и они останутся молодыми и полными сил. Как нет вечной молодости, так и нет вечного мира меж людьми. И нет сосуда более хрупкого, чем мир. Держите руку на рукояти меча, но не вынимайте его...

С заседания дивана повелитель отправился в сад, в любимое место, названное им «Беседкой мудрецов». Здесь проводила время его вторая свита. Эта свита была отлична от жадных и лстивых царедворцев. Она предавалась философским измышлениям и читала друг перед другом сочинения великих мужей, а порой декламировала собственные труды. Здесь собирались поэты, философы и мудрецы. Мухаммад-Эмин издали заслышал ожесточённый спор меж ними и задержался за тенистой, решётчатой стеной, буйно заросшей плющом. Перед поэтами и мудрецами, которые прибывали в его дворец со всех необъятных земель, где проживали правоверные, стоял кувшин с вином. Это было лучшее вино, посланное им с ханского стола. Кто-то из спорщиков отрицал греховное питьё,

¹ Джами — персидский и таджикский поэт и философ XV века.

другие – протягивали свои кубки и расхваливали превосходство хмельного напитка.

– Не сам ли Всевышний создал виноградную лозу? – спрашивал один из присутствующих. – А раз была она создана Аллахом, то и напиток из неё не может равняться тяжкому греху!

Строгий улем¹, отгородившейся от прочих благочестием белых одежд и намерений, твердил:

– Не сказал ли знаменитый Абу Иль Фарадж Исфаханский², да будет доволен им Аллах, что вино сообщает каждому, кто его пьёт, четыре качества. Вначале человек становится похожим на павлина, затем приобретает характер обезьяны. Потом он уподобляется льву и становится самонадеянным, гордым и уверенным в своей силе. Но в заключение он превращается в свинью и, подобно ей, валяется в грязи.

– На то и я приведу вам, уважаемый, слова великого Абу Али Ибн Сины³, а он знал толк, как в разуме человеческого, так и в болезнях его! – вскричал молодой поэт, уже принявший не один кубок. Он поднялся с широкого сидения, где до этого восседал, и громко продекларировал:

Прекрасно чистое вино, им дух возвышен
и богат,
Благоуханием оно затмило розы аромат.
Как в поучении отца, в нём горечь есть
и благодать,
Ханжа в вине находит ложь, а мудрый –
истинный щедрый клад.
Вино разумным не во вред, оно –
погибель для невежд,
В нём яд и мёд, добро и зло, печалей тень
и свет улад.

Мухаммад-Эмин не удержался, вышел из своего убежища. Стоя, он слушал прекрасные стихи, впитывал их всей душой, – так земля, иссохшая от жара, пьёт тёплый ливень, насыщаясь

желанной влагой. Ханский диван, где Мухаммад-Эмин ощущал себя охотником, попавшим в волчью стаю, выжимал из него все соки, отнимал жизненные силы. И только здесь, среди своих соратников по перу, среди не алчущих о наживе, а ищущих истину, повелитель чувствовал себя свободно и легко. Они с радостью поднялись ему навстречу. Глаза поэтов и астрологов, мудрецов и музыкантов засветились одним светом – любовью и уважением к господину, у которого они нашли достойный приют и с которым ощущали себя равными.

– А вы, повелитель, как относитесь к вину? Как к величайшему греху или истинному блаженству? – вопрошали они у Мухаммад-Эмина.

Он улыбнулся оттого, что рубай любимого Омара Хайяма сразу и легко пришло на ум:

Вино запрещено, но есть четыре «но»:
Смотря кто, с кем,
когда и в меру ль пьёт вино.
При соблюдении сих четырёх условий
Всем здравомыслящим вино разрешено.

Присутствующие рассмеялись находчивости хана, молодой поэт протянул господину полный кубок:

– Испейте же с нами, повелитель, этот дар далёких земель, если считаете нас достойной компанией для себя.

Мухаммад-Эмин улыбнулся радушному приглашению, вошёл в беседку, поднявшись на ступеньку, за которой оставил суровых телохранителей, лстивых придворных, надоедливых женщин и опасных противников. Он вошёл, укрывшись покрывалом поиска истины, мудрости и совершенства. А телохранители привычно замерли у входа в беседку. Они знали: пока не наступит час благочестивой молитвы, хан не покинет своих мудрецов.

Глава 15

В году 948 хиджры повелитель Мухаммад-Эмин, который мирно и мудро управлял ханством четырнадцать лет, тяжело заболел. Лучшие лекари прибывали со всех концов Земли Казан-

¹ Улем – учёный богослов, духовный наставник.

² Абу-Ль-Фарадж Аль-Исфাহани – арабский поэт и учёный X века.

³ Абу Али Ибн Сина (Авиценна) – врач и учёный XI века.

ской. Крымское ханство слало своих искусных табибов. Из могущественного Мавераннахра хан Кочкунджу¹ прислал мудреца, в совершенстве владевшего искусством врачевания. И шах Исмаил, управлявший государством Сефевидов², вспомнил о том, что на Казанской Земле его купцы-шииты ни разу не подверглись гонениям и разграблению. С первым же караваном шах направил редчайшие лекарства, добываемые в горах его страны. Казанский повелитель чувствовал временное облегчение, поднимался, принимался за дела. Но болезнь вновь беспощадно своей рукой ухватывала хана за горло и укладывала его на ложе мучений и страданий. Вскоре Мухаммад-Эмин пожелал собрать большой диван. На высший совет были приглашены знатные и владетельные вельможи, светлейшее духовенство, благочестивый хаким и кадии, огланы и есаулы. Из своего имения была вызвана и ханбика Гаухаршад. Когда приглашённые вельможи принялись входить в Зал заседания, хан уже встречал их. Великий властитель возлежал на подушках своего золочёного трона и хриплым дыханием сопровождал каждый шаг казанских алпаутов. И речи свои повелитель произносил с трудом:

– Воздадим же смиренно хвалу Всевышнему за то, что дарит он процветание и могущество нашим землям. Сердце вашего правителя жило заботами этой Земли, оно скорбело о каждом подданном ханства. Теперь это сердце желает остановиться и самого меня призывает на высший суд Вечный Господин наш.

Лёгкий шум пробежал среди застывших в невольной скорби придворных. Не было среди них тех, кто не сожалел бы о тяжёлой болезни хана, за скорой смертью господина вставала чёрной стеной неизвестность. Кто будет править ими,

когда душа Мухаммад-Эмина отлетит к небесам, к чему готовиться им, преуспевающим в торговле и мирной наживе?

Повелитель с трудом вскинул руку, и все вновь замолчали:

– Удел распределён и срок установлен, и всякий вкусит чашу смерти. Я собрал вас, мои верные, мудрые алпауты, чтобы напомнить: Аллах не даровал мне детей. Но жив мой единственный брат, которого злой рок обрёл на заточение в Московии. Я хочу, чтобы послы немедленно отправлялись за сыном хана Ибрагима. На своём троне не вижу иных наследников и не желаю в Казани возвышения рода Гиреев, пока жив прямой наследник хана Улу-Мухаммада! Пусть будет так, подданные великого ханства. Запрягайте своих коней, берите дорогие дары. Будьте лисами в речах с князем Московским, становитесь решительными и стремительными, как беркуты. Добейтесь от князя обещания дать нам в правители Абдул-Латыфа!

Среди склонившихся голов он разглядел Гаухаршад. Сестра одна не поклонилась, смотрела с вызовом, несогласием горели её глаза. Повелитель нашёл в себе силы остаться с ней наедине и поговорить.

– Я помню, Гаухаршад, о твоей вражде с братом. Но время съедает все разногласия, а долгая разлука и лишения делает нас покладистыми и смиренными. Один лишь Абдул-Латыф может поднять золотые поводья этого ханства, в нас течёт одна кровь, мы – династия великого Улу-Мухаммада! Прошу тебя, примиришься с братом, помоги ему, поддержи, когда меня не будет на этом свете.

Ханбика склонила голову в знак согласия. Мухаммад-Эмин закашлялся, зашёлся в долгом, затяжном приступе. Сбежались прислуга, табибы, Гаухаршад попятиться к дверям, но уже на выходе её нагнал задыхающийся голос хана:

– Помни, сестра, ты обещала...

Она помнила. Но что такое обещание, данное умирающему? Когда ты желаешь облегчить участь страдаль-

¹ Хан из рода Шейбанидов, правил в Мавераннахре (территория современного Узбекистана) с 1510 до 1531 года.

² Государство Сефевидов существовало на территории Ирана с 1502 по 1736 год. Шах Исмаил правил с 1502 по 1524 год.

ца, то выльешь в его уши какую угодно ложь, чтобы была она сладкой и смягчила вкус горьких лекарств. А ханбика помнила и другое: как жесток был с ней Абдул-Латыф, как непреклонен и беспощаден. Она ещё посмотрит, каким он прибудет в Казань, укрощённым зверем, готовым есть с рук, или затаившимся барсом, готовым броситься на любого. Тогда и будет видно, чего достоин высокогородный братец, – её поддержки или новой войны.

А послы не медлили, в том же благословенном месяце они отправились ко двору великого князя. Москва с почестями встретила сеида Шах-Хусейна, престарелого улу-карачи Шах-Юсупа и ханского бакши Бозека. Казань прибыла к трону Василия III со смиренной просьбой. Но если бы знали знатнейшие вельможи, как обстояли ныне дела Крыма и Москвы, не стояли бы скромными просителями перед князем, а требовали бы себе хана Абдул-Латыфа, как сильные мира сего.

А случилось то, чего давно опасался московский князь. Он и сам был удивлён долготерпением крымцев, когда те многие годы молили его освободить хана Абдул-Латыфа, но ни разу не пригрозили действовать силой. Однако крымского хана Менгли, упокоившегося с миром в Бахчисарае¹, сменил на троне властный сын его – Мухаммад-Гирей. С того дня полчища ногайцев и крымцев не давали покоя окраинным землям Московской Руси. Выжигались деревни и города, люди уводились в плен тысячами, плач стоял над русскими землями, а московский государь не в силах был остановить разбойные нападения. В дни, когда посольство казанцев направляло копыта своих коней в Москву, великий князь Василий получил от Мухаммад-Гирея полное угрозы письмо. Крымский хан требовал немедленной свободы для сводного брата своего, а иначе грозил подмять под себя всю Русь. Василий III побоялся испробовать,

так ли серьёзна угроза воинственного крымца. Хотя и смог он за последние пять лет приумножить и расширить свой удел, прибавил к своим землям могучий Псков, отбил у Литвы Смоленское княжество, но не почувствовал в себе силы достаточной, чтобы противостоять натиску Мухаммад-Гирея. Побоялся князь, что коварный враг приведёт с собой не только орды кочевников, но и турецких янычар. И полетел в Крым ответ от великого государя о смягчении участи опального хана. Сообщал князь Василий, что Абдул-Латыф выпущен из заточения и препровождён в Каширу. Город получил правящим наместником татарского хана, а Абдул-Латыф – свободу, более похожую на заточение.

Сегодня, когда казанское посольство прибыло ко двору с низжайшей просьбой, князю Василию представился удобный случай показать свою власть казанцам. Он согласился признать Абдул-Латыфа наследником хана Мухаммад-Эмина, но высказал пожелание, чтобы вся Земля Казанская и сам повелитель дали письменную присягу. Поклясться должны были казанцы в том, что отныне не посадят на свой трон хана без ведома Москвы. Присягу повезли в Казань. Первым её подписал сам Мухаммад-Эмин, а за ним и все члены дивана.

Потянулись долгие месяцы ожидания. Казанцы ждали, когда Абдул-Латыф покинет Каширу и появится в пределах ханства, как следующий властитель отцовских земель. И умирающий повелитель с нетерпением ожидал брата, которого по воле судьбы не видел долгие тридцать шесть лет. В канцелярии хана пылились на полках важные дела, требовавшие решения сильного и крепкого правителя. Но признанный наследник всё не ехал. Абдул-Латыф и не ведал, что волей всей Земли Казанской был почти возведён на трон, о котором мечтал долгими бессонными ночами. Никто в Кашире не сообщил ему о его внезапном возвышении. Василий III, по своему обыкновению, плёл паутину длинных интриг. Он опасался ставить казанским ханом Абдул-Латы-

¹ Хан Менгли-Гирей умер в 1515 году.

фа, который однажды показал свой неуступчивый нрав. Московские купцы, служившие великому князю проводчиками, доносили из Казани, что хан Мухаммад-Эмин совсем плох, и были дни, когда горожане каждый час ожидали известия о смерти высокого господина. Ходили тогда по столице люди печальные и потерянные, словно лишили их отца и матери, словно отняли единственного ребёнка. Повелитель был любим в народе, ни разу он не сделал их ярмо непосильным, ни разу не усомнились они в его мудрости. Хан умел наказывать своих врагов, но был снисходителен к оступившимся. Он был учён и заботился о процветании ханства, о расцвете искусств, об открытии школ. Простой люд любил своего повелителя и просил в молитвах ниспослать Мухаммад-Эмину спасение и избавление от страданий. И чудо случилось! С одним из китайских караванов в Казань прибыл сухонький старичок – маленький, сморщенный, с седой ковыльной бородкой. Покинув караван, старик побрёл к ханскому дворцу, где и сообщил, что привёз для казанского господина чудеснейшее средство, оживляющее умирающих и дающее старикам молодость юноши. Каким бы странным ни казался старик, но он был допущен к страдающему повелителю. И через несколько дней Мухаммад-Эмин поднялся. Болезнь не ушла, она лишь спрятала свои острые когти, но вестник смерти Джебраил отступился от ханского ложа и даровал повелителю ещё несколько лет жизни.

Но отныне хан Мухаммад-Эмин каждый день помнил о конце своего пути. По ночам он видел неотступный силуэт смерти, холодом веяло от чёрной тени, и повелитель торопил себя. Он спешил закончить все дела, завершить постройку мечети, своего тюрьбе. А более всего торопился заполучить в Казань Абдул-Латыфа. В его письмах к князю Василию слышался оттенок упрёка, порой Мухаммад-Эмин открыто выражал недовольство медлительностью московского господина. Казанский хан и подумать не мог, что князь Василий давно

уже решил провозгласить правителем Казани другого отпрыска племени чингизидов, проживавшего под его рукой. Этим счастливец должен был стать юный касимовский хан Шах-Али.

И в своих письмах крымскому властителю Василий отписывал, что Абдул-Латыф проживает в лучшем городе Кашире в довольстве и благоденствии. «...Хан живёт без забот, – писал лукавый князь, – предаётся охотам и развлечениям, каких в каширских местах предостаточно!» До Казани княжеские письма доносили иную песню: «Ныне Латыф простудился на охоте, ослабел здоровьем. Опасаюсь отправить его в дорогу, как бы не случилось внезапного несчастья». В другой раз великий князь отговаривался разбойными набегами кочевников, которые в жажде наживы губили всех путников, а дороги в Казань пролегали в опасной близости к Дикому Полю.

Так шли дни и месяцы, отпущенные для жизни казанского повелителя, они текли непрерывной песчаной струйкой, и никто не ведал, какое несчастье ожидает казанцев гораздо раньше неминуемой смерти хана Мухаммад-Эмина.

Глава 16

Русь росла и ширилась, но власти над собственным государством великому князю было мало. Первыми жёсткую руку московского господина стали ощущать татарские царевицы, получившие когда-то в управление русские уделы. Если при великом князе Василии Тёмном солтаны получали уделы, как потомки властительной Золотой Орды, то ныне этими потомками управлял московский князь. От него зависело, кому завещать удел после смерти очередного царевицы и дать власть над городами Сурожигом и Касимовым¹. В Касимовском уделе, который считался среди

¹ Сурожи́к – московская волость по верхнему течению реки Истры, к северу от Звенигорода. Касимов расположен в Мещёрских местах.

солтанов особо лакомым кусочком, в последние годы правил племянник хана Ахмата Шейх-Аулиар. Сей царевич ещё в Орде соединился в браке с дочерью сильнейшего ногайского князя Ибрагима – Шаги-Салтан, и в году 1505 у них родился сын – Шах-Али. Всевышний не даровал мальчика выдающимися качествами, ребёнок появился на свет с физическими недостатками. Шейх-Аулиар днём и ночью молил Аллаха дать ему ещё одного сына. Но лишь через одиннадцать лет был рождён младший солтан. Повитуха приняла долгожданного мальчика, пошептала в уши, оберегая новорождённого именами Мухаммада и Али. Имя младенцу было дано Джан-Али, и его родители познали, наконец, счастье, которое вскоре оборвалось. В том же году хан Шейх-Аулиар умер¹, а малолетние касимовские царевичи потеряли отца. С того дня город, раскинувшийся среди густых лесов Мещёры, сделался ареной борьбы. Крым просил у Василия III касимовский удел для младшего брата хана – солтана Сагиба. А московский князь решил отомстить Мухаммад-Гирею и провозгласил правителем Касимовского ханства одиннадцатилетнего царевича Шах-Али. Мог ли предвидеть старший сын Шейх-Аулиара, что уже с того злополучного дня он стал пешкой на шахматной доске московского господина. Пешкой, которую русские князья двигали по своему усмотрению всю долгую жизнь, данную Аллахом Шах-Али.

Но если делами своих земель великий князь Василий мог управлять без опаски, то соседнее – Казанское ханство не принадлежало ему, и не подчинялось его властной руке и воле. Богатые земли и его обширные просторы бередили душу Василия еженощно. В уме московского правителя задумывалась великая интрига. Подумывал он о том, что к кончине хана Мухаммад-Эмина неплохо было бы проститься с жизнью и Абдул-Латыфу. Но сделать сие дело следовало с великой осторожностью.

Проведчики из Каширы докладывали, что опальный хан крепок здоровьем, и если часто бывает в печали, то только от дум своих и от неволи, крепкое ярмо которой Абдул-Латыф ощущал на своей шее. Когда хану его неволя становилась нестерпима, вспоминал он слова старого учителя. Хаджи Селим часто получал Абдул-Латыфа словами мудрых: «Кто силен? Себя обуздывающий. Кто мудр? У всех чему-нибудь обучающийся. Кто богат? Довольствующийся своей участью. Рыба, которая не хочет быть такой, как все рыбы, выбрасывается на берег. Не к чему вам, господин мой, уподобляться глупой рыбе. Смирено ожидайте, когда Всевышний решит ваши дела». И Абдул-Латыф ожидал.

Если меж пальцев ушли наслаждения – значит ушли.
Если могли мы терпеть унижения – значит могли.
Если гнетёт нас любви тирания – значит гнетёт.
Если терпение – значит терпенье...
Солнце взойдёт².

Но солнце для младшего сына хана Ибрагима так и не возшло. Неотвратимое время приближало не свободу и возвышение, а смерть. Осенью 1518 года в Казанское ханство пришла весть, от которой замер в мрачном недоумении дворец повелителя, весь город и страна: в Кашире внезапно скончался хан Абдул-Латыф.

Весть о смерти наследника сломила крепкую волю Мухаммад-Эмина. Всей его мудрости и рассудительности не хватало на то, чтобы обозреть это страшное решение Всемогущего Аллаха, столь жестоко обрывавшего династию великого Улу-Мухаммада. Повелитель вновь призвал во дворец сестру. После его смерти ханбика оставалась единственной продолжательницей рода казанских правителей. Гаухаршад, которую её правящие братья не единожды изгоняли из дворца, теперь восседала в ханском диване наряду с могущественнейшими карачи, и для неё ставили

особый, широкий трон, украшенный бирюзой и жемчугами. И ещё более сильное возвышение высокородной ханбики произошло в день, когда измученный долгой болезнью хан Мухаммад-Эмин навсегда закрыл свои глаза¹.

Как только в Москве стало известно о смерти Мухаммад-Эмина, великий князь Московский объявил свою волю: он желал, чтобы казанцы приняли из его рук ханом тринадцатилетнего касимовца Шах-Али.

Следуя договору, существовавшему между двумя государствами, казанские вельможи отправили в Москву посольство за юным ханом. Ещё до кончины повелителя страна потеряла улу-карачи Шах-Юсупа, и теперь в Москву въезжал новый глава казанского дивана эмир Булат-Ширин. В начале весны 1519 года в Москве в присутствии всего посольства Шах-Али был провозглашён правителем Казанского ханства. В ту пору при московском дворе находились и послы Мухаммад-Гирея, которые добивались казанского трона для солтана Сагиба. Крымцы возмутились предательством великого князя и заявили протест, но Василий III не посчитал нужным оправдываться, ведь дело уже свершилось.

Летом новый казанский хан Шах-Али вступил в Казань. Никогда ранее не видела великая Земля подобного надругательства над собой. Им дали в правители ребёнка, мальчишку, не умевшего держать в руках клинок. К тому же юный хан напоминал своим видом отпрыска злого джинна. Толпы людей, вышедшие встречать повелителя, возмущённо роптали. Матери прятали за спины детей, которые тыкали пальцами в сторону уродца. Ропот этот и язвительный смех сопровождали Шах-Али до порога дворца, покорно ожидавшего нового властелина. Дух великой династии Улу-Мухаммада, оскорблённый видом преемника, воспарил над этими местами, чтобы не

возвращаться никогда. Шёл 951 год хиджры².

Часть 5

Глава 1

Погожим весенним днём мюрид Самаркандской школы поэтов Мухаммад-дьяр въезжал в гостеприимно распахнутые ворота Казани. Рядом с ним в седле покачивался его спутник, высокочтимый наставник мюридов – хаджи Алим. Мухаммад-дьяр был любимым учеником хаджи, и наставник, давно желавший вернуться в город, который привольно раскинулся на берегах великого Итиля, звал его с собой.

– В этом ханстве ценят истинную поэзию. Повелитель Мухаммад-Эмин возродил в благословенных местах тонкие искусства, создал поистине великолепную жизнь для тех, кто владеет калямом. Ты, мой ученик, познаешь истинное удовольствие от общения с этим правителем, который с мудрецами становится мудрецом, с поэтами – поэтом, а со звездочётами – астрономом! Поистине, то великий дар для правителя!

Но уже на границе Казанского ханства Алима постигла боль разочарования. Он узнал о кончине повелителя, которого знал ещё в дни своей молодости.

– Но мы прошли наш путь не напрасно, – утешал мударрис³ то ли самого себя, то ли своего ученика. – Новый повелитель примет нас под сень своей благодати. Ханство, в котором читали и писали стихи все: от неразумного мальчишки до убелённого сединами старца, не могло так быстро позабыть блаженного удовольствия творить.

Они въехали в ворота Казани, почти ничего не имея за душой. Все их скромные средства ушли на траты в дороге,

¹ Хан Мухаммад-Эмин умер в декабре 1518 года.

² 951 год хиджры – 07.1518 – 07.1519 года.

³ Мударрис – наставник.

и оттого путники сразу направили коней в сторону ханского дворца. Казанская весна была далека от весны самаркандской. Обоим поэтам было зябко, и они ёжились в непросохших после недавнего дождя одеждах. Остановились среди просителей, которые столпились в этот час у ворот Ханского двора. Здесь собрались земледельцы, мелкие торговцы, дервиши. Каждый имел своё дело к повелителю, но, судя по невесёлым разговорам, никто и не надеялся проникнуть через высокую ограду и оказаться перед взором казанского властелина. Толпившиеся впереди вдруг оживились, зашевелились и разом отпрянули от ворот, которые разъединились на две половинки, словно невидимый меч рассёк их. Учёные мужи чудом пробились вперёд. Из ворот поначалу вылетели свирепые всадники, разгоняющие толпу древками копий, а следом на вороном коне выехал и сам хан. Жеребец был красив. Его стать, умная, изящная голова, неторопливая поступь, полная достоинства, восхищала взоры. Роскошен был чепрак, покрывавший коня от холки до хвоста. Это произведение искусных рук казанских мастериц красовалось великолепными узорами, золотым и серебряным шитьём и драгоценными камнями. Каменья в богатых узорах искрились и играли лучами под светом яркого весеннего солнца. И конь, словно зная, как красив был его чепрак и как великолепен он сам, — ступал гордо, высоко вскидывая умную голову, увенчанную чёрным султаном. Как же разительно отличался от красавца-жеребца юный хан, который восседал в седле тяжело и неловко, словно едва поднявшись на коня, он уже желал сойти с него. Ничто: ни обширный плащ, ни роскошь одеяний и выезда не могли скрыть несообразности тела Шах-Али. Ноги повелителя были коротки и вставлены в специально подобранные стремяна; туловище толсто и неуклюже; руки слишком длинны, а голова большая, с расплывшимися чертами лица. Размеры головы ещё более увеличивал роскошный тюбан из золотой парчи с драгоценным пером

белой цапли. Вид хана поразил Мухаммадьяра и вызвал в нём невольную печаль, какая возникает у человека при созерцании человеческого уродства. Алим-хаджа же, казалось, ничего не замечал, он рвался поближе к казанскому господину. Улучив момент, поэт коснулся рукой стремени хана и с почтением приложил пальцы к своим губам:

— Повелитель, дозволейте обратиться к вам с нижайшей просьбой?

От неожиданности Шах-Али остановил коня и взглянул на хаджу, чей благочестивый вид выдавал в нём человека учёного и непростого.

— Кто вы? — спросил юный хан.

— Я, великий господин, был наставником в школе благословенного города Самарканда. А ныне с мюридом своим прибыл к престолу повелителя ханства Казанского. Желая служить вам, как и прежде служил покойному хану Мухаммад-Эмину, да будет доволен им Аллах!

Полные губы Шах-Али дрогнули в раздумье:

— И кем же вы служили при бывшем господине?

— Повелитель, я состоял в свите придворных поэтов.

Шах-Али оборотился к вельможе, который следовал за ним. Тот был одет в длинный кафтан иноземного покроя, имел на голове высокую соболью шапку и на поэта взирал скучающе. Вельможей этим был русский посол Карпов, посланный великим князем Московским сообщать с юным Шах-Али управлять ханством. Казанский повелитель, послушный воле князя Василия, во всём советовался с Карповым и теперь поглядывал на него, словно спрашивая, как ему поступить.

— Гоните холопа прочь, хан, — лениво проговорил московский боярин. — Ни к чему вам эти празднословы, у вас и так ими полон двор!

Шах-Али послушно тронул поводья коня и уже на ходу обернулся к старому учителю:

— Для подобных вам в городе имеются ханаки, там и остановитесь...

Хаджа с печальным видом восседал в маленьком, грязном закутке, именуемом кабаком. Здесь, в заведении Кривого Ислама, собирались на трапезу те, кому нечем было уплатить за еду в других, более пристойных местах. Кабаки на базаре и площади источали запахи жареного мяса и жирного плова, свежее выпеченного хлеба и наваристой шурпы. Заведение Кривого Ислама приютилось в закоулке в почтительном отдалении от этих соблазнительных для голодных животов мест. Оно словно стеснялось своего убожества и опасалось неприятным видом своим оскорбить богатые кабаки. Зато место это пользовалось известностью среди странствующих дервишей, бедных ремесленников и земледельцев в домотканых одеждах. Кривой Ислам сам разносил посетителям деревянные плошки с пустой чечевичной похлёбкой. К похлёбке прилагались ячменные лепёшки, плохо пропечённые, с маленькими угольками, приставшими к серой от пепла поверхности. Мухаммадьяр пытался развеселить учителя рассказами о былых проделках мюридов их школы. Но упоминание о далёком Самарканде ввергало почтенного акына¹ в ещё большее уныние. Трапезу они закончили в полном молчании. Не сговариваясь, оба взяли под уздцы коней и направились к ближайшей ханаке. Редкие прохожие, которые попадались им на узких кривых улочках, указывали, куда направить свой путь, и вскоре поэты оказались у мрачных стен. Под сводами этого облупившегося от времени здания был уготован временный приют для бедных странников и нищих дервишей. Седой привратник провёл их в сырую и узкую келью, которую лишь взгляд философа мог назвать человеческим жильём. Здесь в ближайшее время предстояло прожить и Мухаммадьяру со своим наставником.

Как только смотритель ханаки, учинив им строгий допрос, оставил поэтов

в покое, старый мударрис без сил опустился на дощатую лежанку:

— О-о! Мухаммадьяр, если бы ты знал, какой великий человек покинул Казань! Нет больше хана Мухаммад-Эмина, и солнце закатилось над ханством.

Алим-хаджа в тот же час заснул на узкой циновке. Несчастный поэт бредил всю ночь, его ранимая душа не могла перенести боли и обиды. Мухаммадьяр жёг огонь в очаге, менял мокрые повязки на горевшей голове учителя. К свету рука взялась за перо. Затейливая вязь букв вилась по бумаге, изливалась на белую поверхность души:

Я в комнате своей сидел однажды,
Из чаши горя пил, дрожа от жажды.
Я был сердечным утращён огнём
И, пленник скорби, трепетал я в нём².

Спустя месяц Алим-хаджа и Мухаммадьяр поклонились месту последнего упокоения хана Мухаммад-Эмина, и направили своих коней к воротам Казани. Путь их лежал в город Булгар. По рассказам дервишей, в Булгаре ещё проживало братство поэтов, и наместник города благоволил к мастерам каляма.

Но в одном из придорожных кабаков, куда наставник со своим учеником завернули ближе к вечеру ради скудной трапезы, отыскал их невысокий коренастый ногаец. Поклонившись учёным мужам, воин представился нукером высокочтимой ханбике Гаухаршад.

— Наслышана моя госпожа, что пребывали вы ранее в придворной свите покойного повелителя, да будет доволен им Аллах.

— Это правда, — взволнованно отозвался хаджи Алим. — Мне посчастливилось проживать под сенью благодати нашего хана Мухаммад-Эмина.

Ногаец вновь поклонился:

— Мне приказано довести до вас приглашение моей высокой госпожи посетить её имение, которое находится неподалёку. Следуйте за мной, почтенные.

¹ Акын — народный поэт, певец.

² Орывок из поэмы Мухаммадьяра «Подарок джигитов».

Поэты удивлённо переглянулись, но, не сговариваясь, закинули за плечи свои похудевшие хурджины, хранившие лишь помятые свитки со стихами.

— Кажется, Всевышний смилостивился над нами, — украдкой шепнул хаджи Мухаммадьяру. — Если милостивая госпожа, сестра покровителя всех поэтов, владеет хоть частью души своего великого брата, то мы заживём в благоденствии и покое. А если будет у нас лепёшка на ужин и лежанка в тёплом углу, то, что ещё нужно, чтобы без забот предаваться любимому делу и скрипеть пером день и ночь.

Старый учитель совсем размечтался, а Мухаммадьяр с интересом разглядывал роскошное имение, уже встававшее на их пути.

— Уважаемый хаджи, как вы думаете, откуда госпожа узнала о нас? — спросил он у наставника.

Мударрис нахмурился, задумавшись, и на ученика поглядывал уже с тревогой.

— Ты прав, Мухаммадьяр. В Казани мы пробыли недолго, и мало с кем делились своими мыслями. А, может, почтенный смотритель ханаки подсказал слуге госпожи, что следуем мы в благословенные Булгары? — Догадка оживила хаджи, он приосанился, огладил свою седеющую бородку. — Вот увидишь, мой любимый ученик, эту встречу устроил сам святой Хызр. Недаром он призван помогать бедным путникам. Госпожа ханбика даст нам приют, и мы заживём в полном довольстве!

Жизнь не так коротка, как я думал
в печали...
Окончания ищешь — находишь начало.

— процитировал он радостно.

Мухаммадьяр лишь улыбнулся в ответ, молодой поэт всматривался в распахивающиеся перед ними высокие ворота, в кланяющегося привратника и пышный сад, который прятал в своих глубинах изящную беседку, фонтан и цветущие аллеи. А посреди сада, словно из раковины, раскрывшей свои створки, возник дом из белого камня,

более похожий на дивный дворец. Ещё никогда не приходилось поэту видеть такой роскоши и красоты. И представил он в своих видениях, каким совершенством должна быть госпожа этого дворца. Уже зрел он её луноликий облик, летящий взгляд газельих глаз, стройный, как кипарис, стан...

Глава 2

Ханбику Гаухаршад увидел Мухаммадьяра на следующее утро, когда поэты, музыканты, провидцы и астрологи, составлявшие свиту всемилостивейшей дочери хана, вышли на лужайку поприветствовать свою госпожу. Сложив на груди почтительные руки и склонив головы, они с хаджой стояли в общем ряду придворных ханбики, но Гаухаршад остановилась около них.

— Мне говорили, вы прибыли из самого Самарканда? — спросила она.

Для Мухаммадьяра, так и не осмелившегося поднять головы, голос госпожи прозвучал музыкой, чувственный и глубокий, он завораживал своей властью и притягательным очарованием. Мюрид порадовался тому, что свой вопрос высокородная ханбика задала его учителю, а иначе он от волнения не смог бы вымолвить и слова.

— Всё верно, высокочтимая госпожа, я был мударрисом в Самаркандской школе поэтов, — с достоинством отвечал его наставник. — А до этого проживал в благословенной Казани при дворе вашего могущественного брата, хана Мухаммад-Эмина, пусть имя его славится в веках, и да будет доволен им Аллах.

— Аминь, — пробормотала ханбика и с нетерпением взглянула на робкого юношу, замершего рядом с хаджи Алимом. — Мне докладывали, что с вами прибыл ваш лучший ученик. Это он?

— Он, пресветлая госпожа. Его зовут Мухаммадьяр, и никто лучше его не декламирует газелей, и не сочиняет таких изящных касид.

— Вот это мы сейчас и посмотрим. — Гаухаршад щёлкнула пальцами, и слуги тут же внесли на лужайку трон для го-

спожи, где она и устроилась со всеми удобствами. Учёные мужи уселись прямо на траву, остался стоять лишь один Мухаммадьяр. С замиранием сердца вскинул он глаза на ханбику, и... едва удержался от вздоха разочарования. Слух и поэтическое воображение сыграли с ним плохую шутку, он был готов к тому, что госпожа не будет такой юной, как он её представлял поначалу, но её голос ещё мгновение назад очаровал и завоевал его. Только эта дивная аура испарилась без следа, когда Мухаммадьяр увидел перед собой грузную женщину с цепким взглядом тёмных глаз. Она была немолода, неженственна и малопривлекательна. Зато на него ханбика смотрела с явным одобрением.

– Ваш учитель хвалит вас, – благоклонно произнесла Гаухаршад. – Прочтите Хафиза Ширази, я люблю его творения.

Мухаммадьяру пришлось взять себя в руки, прежде чем он смог извлечь из хранилища своей памяти прочитанные недавно строки. Он взглянул на деревья, на цветущий сад, раскинувшийся перед глазами, и слова полились из уст:

Просило сердце у меня то,
чем само владело:
В волшебной чаше увидеть оно
весь мир хотело...
Жемчужина, творенья перл –
всевидающее Сердце...
О подаении слепца просило –
и прозрело!

Сотворённые из вдохновения и мистики строки завораживали, уводили от действительности, и он уже не видел лица почтенной ханбики, не замечал поэтов, внимающих ему, Мухаммадьяр грезил прекрасными чувствами, навеваемыми стихами, написанными когда-то в далёком Ширазе. Он закрыл глаза, наслаждаясь летящими поэтическими строками, и лицо его озарялось неземным светом.

Спросил Хафиз:
А почему любовь тяжка, как цепи?

– Чтоб сердце, разума лишась,
от сладкой боли пело!

Мухаммадьяр открыл глаза, Гаухаршад глядела на него, не отрываясь, этот пылкий молодой мужчина затронул струны души, которая так долго молчала. Было в нём что-то чистое, возвышенное и влекущее к себе с неимоверной силой. Может, волшебство поэзии или искусное прочтение вкупе с сильным вдохновляющим мужским голосом призвали её к неизведанным вершинам любви? Или этот мужчина, едва преодолевший порог юности, показался ей похожим на другого, такого же привлекательного, красноречивого, с яркой зеленью глаз и чёрным шёлком бородки, окаймляющей твёрдый очерк подбородка? Молодой поэт, пробудивший её дремавшее сердце, напомнил Гаухаршад улу-карачи Булат-Ширина, в те годы, когда тот был ещё юным мурзой и едва не стал её мужем. Ах, как часто она вспоминала об этом, то с досадой, а то и с чувством удовлетворения, ощущением победы над собственной плотью, торжеством своей железной воли!

Ханбика поднялась с кресла, слуга по её знаку поднёс драгоценный пояс. Украшение это, сотворённое из позолоченных блях, изобиловало дорогими камнями и являлось страстным желанием всех присутствующих здесь. Этот пояс высокородная госпожа обещала вручить самому лучшему из них, и уже долгие месяцы они соревновались за обладание прекрасным и дорогим призом.

– Подойди, Мухаммадьяр, сын Махмуда-хаджи, – своим чувственным голосом произнесла Гаухаршад. Она ласкала поэта многообещающим взглядом, завлекала проникновенными речами: – Этот дар предназначался лучшему из лучших, тому, кто обладает языком соловья. Я искала уста, могущие извлечь слова невесомые, чтобы порхали они, как дивные бабочки, и вдохновляли души и сердца. Ты поразил свою госпожу, Мухаммадьяр, а меня нелегко поразить.

Она улыбнулась кокетливо и протянула поэту пояс. Мухаммадьяр опустился на колени, склонил голову и принял

дар ханбики. Он расслышал недовольные шепотки своих соперников, разочарованные, они недоумевали, отчего их госпожа, так долго выбиравшая победителя, отдала вожделенный дар этому страннику, едва успевшему переступить их порог. Но никто не посмел выразить свои мысли вслух. А когда слуги ханбики застегнули драгоценный пояс на скромном чапане Мухаммадьяра, поэты из свиты госпожи направились к нему с поздравлениями. Они спешили выразить своё восхищение под строгим, требовательным взором госпожи, но каждый второй считал, что приз чужеземцу достался благодаря его смазливой внешности. Один лишь наставник, уважаемый учитель Алим-хаджа, поздравил ученика от всего сердца, он гордился его победой, будто собственной.

Госпожа ханбика в окружении прислуги удалилась в дом, а учёные мужи разбрелись по саду. Час трапезы ещё не настал, и каждый занялся своим делом, но большинство почитателей каляма предались сплетням и язвительно перемывали косточки вновь прибывшим.

– Посмотрим, как долго продержится здесь этот юнец?

– Хвала Аллаху, в доме госпожи достаточно привлекательных мужчин, а этот птенец годится лишь на закуску.

– Вышвырнут за порог вместе со стариком, который не научил своего мюрида хорошим манерам.

– Какие же манеры должны быть у талантливого поэта? – Скрипучий голос провидца заставил сплетников вздрогнуть и обернуться к сухонькой, согбенной фигуре. Этого нескладного старца с растрёпанной бородой управитель ханбики отыскал в одном из караван-сараяв месяц назад. Старый звездочёт бежал из Ургенча от правителя, которому предсказал скорую кончину. Правитель рассвирепел и хотел снять голову провидцу, но тот предугадал вполне предсказуемый шаг его и исчез раньше, чем оказался на плахе. Уже в пути старца догнали слухи о кончине повелителя, на что он со вздохом произнёс:

– Все мы в воле Всевышнего.

До Казани провидец добрался с одним из купеческих караванов, жил в ханаке, пока не принял решение отправиться ко двору крымского хана, он был наслышан, что там особо привечали людей его ремесла. Для того старый астролог, называвший себя «Юраучы¹», принялся за поиски караван-баши, с которым можно было продолжить свой путь. Но ещё раньше его отыскал управляющий ханбики Гаухаршад. До высокой госпожи дошли слухи об астрологе, который столь точно предсказал день смерти своего повелителя. Юраучы был доставлен в имение ханской дочери и занялся составлением её гороскопа. Но временами он поражал поэтов, в свите которых был вынужден появляться, неожиданными предсказаниями, не всегда приятными для их слуха. Ещё не далее, чем вчера старик сообщил, что желанный приз госпожи – пояс, достойный знатного вельможи, не достанется ни одному из присутствующих в беседке. Учёные мужи тогда посмеялись над чудачествами звездочёта, но сейчас, вспомнив об этом, прикусили языки. Молчали все, боялись связываться со странным стариком, как бы ни напроорочил им какой беды. Один лишь Хамса Дутар – поэт, прибывший из земель османов, дерзнул вступить в спор:

– Где же вы разглядели, уважаемый, талант этого юноши? Если прочли его по звёздам, так они ещё не взошли на небосклоне? Возможно, он – неплохой чтец, но каков сочинитель мы пока не слышали.

– Мне не нужно глядеть на небо, чтобы оценить его талант. Я случайно слышал, как он читал свои творения наставнику. Этому юношу ждёт большое будущее, какого нет ни у одного из присутствующих. А вы способны только на одно: воспевать госпожу, которая приютила вас. И даже тут ваш язык оказался крив, раз лстивые и восторженные речи не пришлись по душе высокородной хатун.

¹ Юраучы – предсказатель, провидец.

Поэты заволновались, возмутились, но старый астролог их уже не слушал, он глядел на слугу, который приближался к нему. А тот спешил передать Юраучу приглашение госпожи ханбики проследовать к ней.

Один из поэтов проводил старика задумчивым взглядом и направился к Мухаммадьяру и Алим-хадже, которые устроились на скамье вдали от всех. Поэт этот был немолод, с густой проседью в бороде и белой чалмой, венчавшей такую же седую голову. Он поклонился и представился:

– Меня зовут Ахмад ад-дин ибн Махмуд, я родом из Ширази, уважаемые.

– Как великий Хафиз Ширази?! – оживился Мухаммадьяр.

– Да, и ты прекрасно читал его газель, сынок, – учёный муж одобрительно похлопал мюрида по плечу. – Но хочу спросить тебя, юноша, надолго ли ты решил задержаться в этом месте? – На недоумённый взгляд молодого поэта он неспешно пояснил: – Возможно, после тягот пути тебе кажется, что ты попал в рай, но вид этой благодати обманчив. Я бы поспешил покинуть обманчивый рай, пока не запутался в его тенётах.

Почтенный наставник Мухаммадьяра вскинулся, словно поэт из Ширази уже распахнул перед ними ворота:

– Уж не говорит ли в вас ревность, Ахмад-эфенди? Моему ученику удалось завоевать приз, за который достойные мужи сражались не один день, и теперь вас обеспокоило расположение высокой госпожи к моему мюриду!

Поэт тряхнул седой бородой, в его мудрых глазах Мухаммадьяр разглядел отнюдь не зависть, приписываемую его наставником, а простое человеческое сочувствие:

– Поверьте, меня действительно беспокоит расположение госпожи ханбики. Благосклонность сильных мира сегодня возвышает, а завтра бросает в бездну горестей. Не хочу, чтоб мой язык передавал слухи, которыми переполнено это имение, хочу воспевать поэзию великих, а не копать в грязи. Но, увы,

красивым юношам, которые имели несчастье пригласиться нашей покровительнице, я бы не позавидовал.

– Говорите же ясней, уважаемый! – вскричал Алим-хаджа. – Не хотите ли вы оскорбить своими речами и недостойными подозрениями высокородную сестру нашего благородного хана Мухаммад-Эмина?!

– Никто не спорит, что хан Мухаммад-Эмин был благороден, да упокоится он с миром. И мало найдётся дворцов на всём свете, где бедные поэты, эти беспечные дети, не имеющие за душой ничего, кроме своего каляма, могли бы быть так счастливы, как рядом с покойным повелителем. Но разве я говорил о нём, о нашем любимом господине? – Ахмад-эфенди невесело усмехнулся, взглянул на Мухаммадьяра. – А слова Хайяма только для твоих ушей, юноша:

Не давай убаюкать себя похвалой –
Меч судьбы занесён над твоей головой.
Как ни сладостна слава, но яд наготове
У судьбы. Берегись отравиться халвой!

Поэт ещё раз поклонился и неторопливо отправился к беседке, где собралась пишущая братия. Мухаммадьяр проводил его задумчивым взглядом, а возмущённый учитель принялся уговаривать и упрашивать его не слушать завистника:

– Они видят в тебе опасность, мой Мухаммадьяр. Внимание госпожи, как кувшин с вином, что проносят мимо их жаждущего рта. Эти недостойные сыны греха ополчились на нас, потому что ты талантливей их всех, и они боятся соперничества. Куда мы пойдём, если послушаем этого завистника? У нас за душой нет и таньги, наши хурджины пусты, а кони за время долгого пути превратились в клячей! Послушай своего старого наставника, Мухаммадьяр, не слушай этих недоброжелателей!

Хаджа так расстроился, что слёзы хлынули из глаз и потекли по исхудавшему лицу, и растроганный ученик поспешил утешить дорогого его сердцу учителя:

– Мы останемся здесь, обещаю. Вы

нуждаетесь в тёплом крове и горячей лепёшке, вы заслужили приюта у высокой госпожи, сестры вашего любимого господина. А я, – глаза Мухаммадьяра заволокло дымкой раздумья. Он вновь оборотился к беседке, где придворные поэты ханбики предавались громким спорам. Но не о поэзии был их спор, не обсуждали они философских вопросов или собственных стихов, а делили очередной дар госпожи – блюдо с пловом. Мухаммадьяр тряхнул головой и закончил: – А я смогу остаться, если только святой Хызр не вмешается в это дело.

Глава 3

Гаухаршад зазвала своего придворного астролога и провидца для важного дела. Уже давно госпожа вступила на скользкую дорожку тайного заговора. Сегодня она решила исполнить давний замысел, который сама же и отодвигала, неуверенная в собственной правоте. Она не сразу решилась доверить свои планы старому предсказателю, могли ли далёкие звёзды и их непонятные расположения сказать, удачен ли её выбор?

Поклон явившегося на зов старика был полон достоинства и изящества. Гаухаршад каждый раз ловила себя на мысли, что нескладное, немощное тело провидца лжёт и скрывает под складками широкого плаща, который Юраучы никогда не снимал, другое – молодое и ловкое тело. Её и сейчас на мгновение обуял страх, уж не подослан ли звездочёт недругами, чтобы выведать все задумки и бросить её на расправу жестоким врагам. Старик заговорил, и Гаухаршад выдохнула, подумав, что невозможно подделывать такого скрипучего голоса и лица, изборождённого глубокими морщинами. Предсказатель был действительно стар, а ловкость и изящество, должно быть, даровало его долгое служение при дворах самых известных правителей.

– Я почти закончил ваш гороскоп, высокая госпожа, – произнёс старик, –

мне осталось дожидаться двадцать пятого лунного дня, чтобы поставить последнюю точку. Но вы ведь вызвали меня не для этого?

Ханбика вновь насторожилась, смотрела на Юраучы не мигая, пыталась проникнуть в глубину светлых, почти прозрачных старческих глаз.

– Вы правы, уважаемый, я пригласила вас для одного важного дела...

– Не утруждайте себя речами, госпожа. – Старик огладил свою растрёпанную бороду и продолжил: – Сегодня мне приснился сон, в котором вы спрашивали меня об одной вещи. В этом сне отыскал я и ответ.

Гаухаршад глядела на него с нетерпением, а провидец, словно специально тянул, оправлял складки своего плаща.

– Расскажите же о своём сне, почтенный Юраучы! – наконец не выдержала она.

– Это всего лишь сновидение, высокая госпожа, я не следил за движением небесных светил и не читал предсказанное звёздной книгой. Но в наших снах приходит та горькая правда, что не раскроет не одно созвездие. Вы любите эту землю, могущественная ханбика, ваши силы питаются силами великой династии. Но род ваш засох, умер вместе с вашими братьями. И хоть кончина одного из них вас радовала, она стала началом конца прекрасному ханству.

– Конца?! – вскричала ханбика. – Ты не мог ошибиться, старик?! Как может прийти конец такому огромному и сильному государству? Если погиб один род, на смену ему придёт десяток других, объединяющих кровь всемогущего Чингисхана!

– Они придут, благородная госпожа, – со вздохом продолжил провидец, – придут один за другим, но никто не сможет удержать поводьев, эта колесница уже понеслась, её кони взбесились. Ничто не уберёжёт великую страну от разрушения!

– Ах! – Гаухаршад упала в кресло, спрятала лицо в ладонях. Страшное пророчество словно встало перед её

глазами развалинами городов, стонущей под чужими копытами землёй, реками крови. Но через мгновение ханбика уже взяла себя в руки, выпрямилась, вскинув голову. – Всё это только сны, почтенный! Можно ли доверять тому, что приходит ночью и улетучивается с первыми лучами солнца? Так и все беды нашего ханства придут и развеются, как дым!

Старик лишь вздохнул, поклонился и отправился к дверям, но, едва дотронувшись до резных створок, обернулся:

– А этого юношу, великая госпожа, никому не удержать и не привязать к себе златом и ханскими одеждами. Он слишком чист и невинен, его душа не примет ни лжи, ни лицемерия, ни тщеславной суеты. Он не станет притворяться и изворачиваться. Отпустите мальчика, великодушная госпожа, как по весне выпускают птиц из золотых клеток, пусть он летит к своей судьбе. Несчастной и неласковой, но к своей судьбе.

Астролог ещё раз поклонился и растворился в полутьме коридора, словно его и не было здесь. Гаухаршад и рассердиться не успела на дерзкого, лишь моргнула изумлёнными глазами и покачала головой. Как он угадал, узнал, ведь только перед самым приходом старика повелела ханбика своему управителю отнести Мухаммадьяру красивые одежды и кошель, полный золотых монет. Хотела посмотреть, падок ли юноша на богатые дары, ищет ли выгоду в своём внезапном возвышении.

А наутро она убедилась в правоте Юраучы, когда управитель внёс в покои все её дары: сложенные стопкой одежды, нетронутый кошель и драгоценный пояс. Сам молодой поэт исчез без следа.

Гаухаршад писала в Крым письмо сама, не призвав на помощь хаттата¹. Слишком много зависело от того, сколько ушей будет знать о том, что она доверяла только бумаге. В Казанском хан-

стве созрел заговор против ставленника князя Василия – юного хана Шах-Али. Царственная госпожа недолюбливала самолюбивых и гордых Гиреев, но ныне Гаухаршад не из кого было выбирать. Казани легче было видеть на своём троне крымского солтана Сагиб-Гирея, чем Шах-Али. Она перечитала написанные строки, задумалась, припомнив вдруг недавнее предсказание провидца. Говорил старик, что ханы придут один за другим, но никто не сможет удержать поводыёв власти. Если сегодня на казанском троне сидит отпрыск касимовцев, а завтра сядет солтан из рода Гиреев, кто тогда будет следующим? Она не смогла бы спросить об этом своего астролога, вчера наступил двадцать пятый лунный день, и Юраучы, как и обещал, поставил последнюю точку – мирно и тихо почил во сне.

Гаухаршад махнула рукой, словно отгоняла воспоминания. Не станет она думать о предсказаниях, всё в воле Аллаха, только за власть в этом ханстве она ещё поборется. Женщина прошлась по кабинету тяжёлыми, широкими шагами. «Так кому править Казанью: касимовцу или крымцу? К кому обратиться надежды великого народа? Род Гиреев подобен хищникам, даруешь им право присесть на трон, они отхватят всё ханство с концами. Юнец Шах-Али не так опасен, и хоть кривая он веточка, а всё же от того же рода, что и великий Улу-Мухаммад. Но будь он хоть немного приятней видом, – ханбика даже сплюнула на пол. – Уродился же сын у Шейх-Аулияра, такой, что приличных людей в страх вгоняет, а то и в смех, словно скороморох на ярмарке! От нынешнего хана и у неё, высокородной госпожи, нет-нет да и случаются желудочные колики. А ещё эта любовь Шах-Али к царю урусов да к воеводам!» Гаухаршад нахмурилась, засопела сердито. Не оставлял ей выбора уродливый мальчишка. При хане из касимовской династии казанцами управлял и бессовестно распоряжался московский посол Карпов. А Шах-Али слушался его, как малый ребёнок. На все тайные уговоры, на гневные речи

¹ Хаттат – писарь, каллиграф.

карачи юный повелитель твердил лишь одно:

– Если и имели когда-то деды наши дань от Руси, то потому, что Москва была некрепка. Теперь Русь сильна, и мира с великим князем, отцом своим, я не порушу!

Быть твёрдым в решении, столь не-угодном казанским вельможам, юному хану помогали пять тысяч касимовских казаков и тысяча русских ратников под командованием воеводы Поджогина. И про это помнила могущественная ханбика, а особо про боярина Карпова, который был у Шах-Али первым наставником и советчиком. А он примечал за казанцами любое недовольство, сторожил каждый шаг. Когда по указу боярина бросили в темницу несколько вельмож, участвующих в заговоре, ханбика Гаухаршад стала осторожней вдвойне. Даже первейшие эмиры не знали, что нитями заговора водит дочь покойного хана Ибрагима. Она всё время проживала в имении, лишь изредка заезжала в столицу на заседания дивана. На высшем Совете сорокатрёхлетняя женщина вела себя незаметно. Она восседала, словно безмолвная статуя, символ угасшей династии великого Улу-Мухаммада, и никто кроме Сиди-оглана, которого все считали руководителем готовящегося переворота, не знал, что за испепеляющий огонь горел в душе этой женщины.

Казанская ханбика вновь устроилась на широком сидении, привычно поджала под себя ноги. Выбор был сделан окончательно, и её рука подняла калям, арабская вязь заскользила по бумаге. Гаухаршад писала письмо крымскому хану Мухаммад-Гирею. Ничто не вздрагивало в сердце женщины, не откликнулась ни одна струна её закалённой в жизненных битвах души. Она почти не вспоминала о том, что повелитель, которому посылались многообещающие строки, был некогда её первым возлюбленным. Долгая жизнь сделала бесцветными воспоминания юности, и только одно оставалось ярким, как и прежде – неприязнь к роду Гиреев. Но

Гаухаршад обещала себе, что лишь воспользуется крымцами для изгнания из ханства русского ставленника. А после она найдёт другого, более достойного преемника на казанский трон. Так думала Гаухаршад, загадывала на далёкое будущее, а рука жила думами сегодняшними и писала слова долгожданные и приятные для слуха крымского господина: «...Вся Земля Казанская желает видеть на троне брата вашего – солтана Сагиба, да ниспошлёт ему Аллах вечного благополучия! Пусть ваш брат, как беркут, ворвётся в ханство с воинами и прогонит прочь собак-урусов и их щенка – хана Шах-Али! Пусть бегут они, трусливо поджав хвосты, а беркут из рода Гиреев воссядет на троне великих ханов Казанских!»

Гаухаршад ещё раз перечитала красноречивые строки и позвала оглана. Он ожидал её вызова в приёмной, вошёл в кабинет и преклонил колени перед госпожой. Ханбика передала вельможе свиток, запечатанный её личной печатью и опоясанный золотым шнуром, спросила строго:

– Письмо повезёте сами?

– Да, высокочтимая госпожа ханбика, – отвечал Сиди-оглан. – Так решили эмиры.

– Тогда поспешайте. – Гаухаршад отвернулась, словно не замечая красноречивого взгляда мужчины и его тайного вздоха.

Не один оглан желал назвать свободную от уз брака ханскую дочь своей женой. Но распространённая когда-то старшим братом, Мухаммад-Эмином, весть о вечном вдовстве Гаухаршад, о её непреходящей печали по казнённому мужу сковывала молчанием уста воздыхателей. Оглан поклонился ещё раз и направился к дверям, а ханбика оглянулась через плечо. Крепкий, сильный мужчина, с которым она к тому же повязана опасными узами тайного заговора, возбуждал и влёк к себе Гаухаршад. Но брака она не желала. Не хотела терпеть узды на своей шее. Когда была помоложе предавалась светлейшая ханбика утехам тела с невольниками, укрытыми

от чужих взоров в её имени. Им, этим мужчинам, меняющим друг друга на её ложе, как невольницы в гареме знатного мужчины, она была госпожа и властительница. Желала – могла наградить, а могла и наказать, предать плетям, пыткам, а то и смерти. Любви в её сердце не было места, любовь делала её слабой и безрассудной, а она подчинялась лишь своей железной воле и изворотливому уму.

Убедившись, что Сиди-оглан покинул приёмную, Гаухаршад вздохнула и опустила на тахту. Лоб её сморщился в напряжённой думе, а нога нетерпеливо постукивала по пёстрому ковру. В последние месяцы в заговор удалось вовлечь многих могущественных людей ханства. Даже гордый улу-карачи Булат-Ширин поддался на уговоры оглана. Ширинского главу, как и бея Юсупа, вдали от заговора удерживала клятва, данная великому князю Московскому. Но зревшее в народе недовольство новым засильем московитов сломило нестойкое сопротивление улу-карачи и бея, который в ханстве ведал земскими делами. Гаухаршад усмехнулась: знал бы эмир Булат-Ширин, кто на самом деле управляет заговором! Смог бы он тогда сломить свою гордость и перешагнуть через извечное соперничество с ханбикой?

Она потянулась, чувствуя, как от напряжения затекла спина, мельком взглянула на себя в зеркало. Большое зеркало, произведение венецианских мастеров, показало ей то, чего женщина не желала признавать: молодость ушла. Растворился в небытие тонкий стан, и косы потеряли густоту и былую жгучесть цвета. Она никогда не отличалась красотой, а на закате женских лет и вовсе становилась непривлекательной. И всё же мужчин ещё влекло к ней: одних – знатность рода, других – зависимость от неё, третьих – неслыханное богатство, которым она владела. Немалая доля досталась от мужа – покойного улу-карачи Кель-Ахмеда, а дворец в столице, некогда принадлежавшей отцу, отписал ей умирающий Мухаммад-Эмин. Она ус-

мехнулась своему отражению. Пожелай она, и самый знатный из вельмож Казанского ханства, один из красивейших мужчин – эмир Булат-Ширин станет её мужем. К чему же тогда красота? Кому нужен этот ничтожный довесок к высокому роду, власти, могуществу и уму, которыми она владела? Отвернувшись от зеркала, она подумала, что главное, чего добивалась все эти месяцы, свершилось: улу-карачи был на стороне её заговора. А подобный заговор не мог быть обречён на провал. В нужный момент гвардия Ширинов, поддержанная воинами других беев и карачи, перебьёт отряды хана Шах-Али, и крымцы смогут беспрепятственно войти в город. А тогда Гаухаршад посмотрит, выйти ли ей из тени!

Глава 4

Крымцы, мечтавшие о господстве над всей территорией «Тахэт-иле»¹, не считали нужным упускать ханство, из-за которого давно шли споры между Москвой и Бахчисараем. Как только в Крым прибыло тайное посольство с предложением занять трон Казани солтану Сагибу, повелитель Мухаммад-Гирей снарядил для младшего брата отряд в триста всадников. В конце весны солтан Сагиб-Гирей беспрепятственно вошёл в столицу на берегах Итиля.

Город забурлил. Не ожидавшие нападения приспешники Шах-Али бросились созывать касимовских казаков. Воевода Поджогин метался по дворам, тщетно пытаясь собрать русских ратников. А казанские казаки, верные заговорщикам, уже выступали стройными рядами на подмогу крымцам. В Кремле, на Ханском дворе и на узких городских улочках началась резня. Как всегда случалось при переворотах, принялись грабить лавки русских купцов. Погром разрастался, выплёскивался на пригороды и караван-сараи, где московиты складывали свой товар. Общее радост-

¹ «Тахэт-иле» – Страна престола, так называли раньше Золотую Орду.

ное возбуждение овладело казанцами, возбуждение победителей, которые громили захватчиков и иноверцев. Такое же чувство рождалось в душах правоверных, какое жило в них при погроме московских купцов на Гостином острове. Тогда казанцы сполна насытились местью и немало обогатились. Вот и сейчас казанские семьи оделись в русские меха и сукно лучшего качества, пограбили серебряные и железные лавки, соляные амбары.

К вечеру всё было кончено. В казанском дворце воцарился ставленник Гиреев – солтан Сагиб. По воле всей Земли Казанской крымского солтана ожидало провозглашение повелителем величайшего из ханств. Довольный столь лёгкой победой новый правитель повелел отпустить в Москву свергнутого Шах-Али с женой и боярина Карпова. Воевода Поджогин, купцы и дьяки, состоявшие при русском посольстве, были брошены в зиндан.

Так на гребне переворота на троне Казани воцарилась династия крымских Гиреев. Шёл год 1521-й.

Для великого княжества Московского настало время тревог и потерь. Василий, узнав о свержении своего ставленника Шах-Али и предательстве казанцев, повелел собирать войска. Московский государь кипел гневом, он желал смешать с кровью земли, которые уже считал своими. Но пылающую молнию ярости пришлось метнуть на западного соседа. Внезапно вспыхнули новые военные действия с Литвой.

С великим княжеством Литовским Русь Московская воевала десятый год. Оба княжества не могли поделить меж собой богатый город Смоленск. Новое нападение литовцев пришлось на лето 1521 года. Но когда полки московитов ушли к Литве, через земли рязанские на Русь пришла крымская орда. Заполыхали огнём деревни и города, загорелись поля с колосившимся хлебом, стога свежескошенной травы. Василий III отправил на татар запасные полки князя

Старицкого. Русь, затихнув в тревоге, ожидала новых битв.

А между тем объединённое казанско-крымское войско подступило к Москве. Ханы Мухаммад и Сагиб пировали в селе Воробьёве. Виночерпии вскрывали столетние дубовые бочки с великокняжескими медами. Хмельной напиток лился рекой во славу великой победы рода Гиреев. А в Волоколамске великий князь Василий стоял перед трудным выбором. Следовало бы бороться с врагом, собирать рати и рисковать потерять всё. А можно было склонить голову, сломить на время гордость великокняжескую и спасти голову свою и власть над Русью. Московский государь решился на второе. Он запросил переговоров.

Хан Мухаммад-Гирей требовал одного, чтобы Москва признала себя вассалом Крыма и платила ему дань по уставу древних времён, как платили сотни лет великие князья Московские Золотой Орде. Унизительный для Василия и всей Руси договор был подписан в тот же день. По заключении мира крымский и казанский ханы вернулись в пределы своих земель. Великая та победа подняла престиж династии Гиреев, как в Бахчисарае и Казани, так и во всём мусульманском мире. Никто не мог предвидеть, что время, столь счастливо начавшееся для обоих властвующих сыновей хана Менгли-Гирея, закончится для них неожиданной трагедией.

А следом наступало ещё одно победоносное лето, и Мухаммад-Гирей повёл свои войска на Хаджитархан. Могущественный хан шёл к берегам Итиля, его крымцы рвались в битву. Щедрая добыча, взятая на московских землях, ушла сквозь пальцы. На то они и были воины, чтобы в отчаянных сражениях добывать богатство и кормить свои семьи. А те, кто не был обременён детьми и жёнами, спускал добычу в игре в кости, утехам с непотребными женщинами и в обнимку с кувшином вина. Пришло очередное лето, и крымцы вновь были голодны, их взгляды горели жаждой новых побед. Хан Хусейн не смог проти-

востоять этой ничем не сдерживаемой силе, и Хаджитархан был взят. Дворцы и дома вельмож, базары и амбары подверглись разграблению. Как издавна повелось, воины пировали и праздновали свою победу несколько дней.

В те дни шли новые погромы и в Казани. Снова грабили лавки русских купцов, но именитых москвитов не пленили, рубили насмерть по указу хана Сагиба. Казнили и русского посла Василия Поджогина. Это был новый вызов Москве, показной жест: «Гляди, князь Василий, сегодня мы топчем твоего союзника Хусейна, убиваем твоих купцов и послов, а завтра вновь придём на земли русские!»

Ханбика Гаухаршад была весела как никогда. Возвышение казанских земель радовало госпожу. Возрождалось бывшее могущество государства, и Гаухаршад говорила, ликуя:

– Глядите, отец, ныне Москва опасается Казани! Конечно, в том немалая заслуга Гиреев, но что с того? Придёт время, и Сагиб отправится в Крым, а на трон я усажу пешку безголосую. Куда укажу пальцем, туда и пойдёт пешка. Род Улу-Мухаммада породил это ханство, и я, последняя из этого рода, буду править Казанью!

Гаухаршад гордилась собой, Казанью, но в тайниках души признавала и заслуги крымского правителя. Мухаммад-Гирей вновь становился героем её дум. Он был истинным повелителем и воином, мужчиной, в мечтаниях о котором она могла прожить остаток своей жизни. Новый казанский хан Сагиб всегда чтил мать Гаухаршад, валидэ Нурсолтан, потому и к её дочери относился с большим уважением и почётом. С московской войны ханбике привезли сотню невольников, драгоценности и два воза добра. Тщеславие казанской госпожи было удовлетворено, но мысли о том, что династия Гиреев может быть достойной заменой роду великого Улу-Мухаммада, она гнала прочь. Вот если бы на месте хана Сагиба оказался сам Мухаммад-Гирей! Гаухаршад мечта-

тельно закрывала глаза, забывая, что она давно уже не юная девушка: «О, Мухаммад, ты и через полчища лет сумел затронуть моё сердце!»

Забрызганный грязью гонец ворвался в пустоту дворцовых покоев неожиданно. Ханбика вздрогнула, когда воин упал в ноги и протянул ей свиток. Грамота была направлена повелителю Сагибу, но государь забавлялся охотой на озере Кабан, и Гаухаршад недогнущей рукой сломала печать. Строки поплыли перед её глазами. В письме крымских алпаутов сообщалось о гибели хана Мухаммад-Гирея. Ногайские мурзабеки, которые были недавними союзниками в битвах крымского правителя, посчитали, что власть Мухаммада стала слишком велика. Заговор оказался скоротечным и стремительным. Крымский хан на гребне своей славы и могущества был предательски заколот в походном шатре...

Воины, оставшись без своего предводителя, бросились назад на полуостров, но были нагнаны кочевниками и побиты ими так же, как месяц назад были биты хаджитарханцы. И осиротело Крымское ханство. Жестокая и алчная тьма прошла по цветущей земле, богатым городам и селениям. Ограбленный крымский улус ждал нового повелителя, защитника, чья крепкая рука должна была поднять упавшие поводья власти.

Хан Сагиб заперся в приёмной и никого не допускал к себе. Вельможи вздыхали и качали головами, они думали, что казанский государь предаётся великой скорби по старшему брату. Никто не знал истинной причины уединения повелителя. А сын Менгли-Гирея думал только об одном: трон Бахчисарая был свободен. Он предвидел, какая свара началась среди его братьев за этот лакомый кусок. «Должно быть, рвут друг друга на клочья, – с досадой думал Сагиб-Гирей. – Они считают, победит тот, кто сильнее. Глупые! Они не знают, что победит тот, кто хитрее, кто сможет более всех приглянуться султа-

ну Сулейману. Только тот сядет на трон Бахчисарая, кого назначит повелитель Истанбула!» Хан Сагиб боялся признаться даже самому себе, что более всего на свете он хотел оказаться сейчас у ног султана Сулеймана Кануни. Он бы сделал всё, чтобы понравиться османскому правителю, мог ради этого свернуть горы и повернуть вспять реки! Но думать, а тем более говорить об этом, хан Сагиб не смел. Не оскорбится ли Всевышний, не посчитает ли его неблагодарным, ведь он и так даровал ему, в отличие от других крымских солтанов, власть над обширным и богатым ханством. Но отчего-то власть над северной страной не радовала Сагиб-Гирея, и он хмурил лоб и кусал губы, упрямо думая о Бахчисарае и том, что сейчас происходит во дворце великого султана Сулеймана.

А около трона турецкого султана в этот час стоял солтан Сеадет-Гирей, и его османский правитель провозглашал повелителем Крыма. Но Сеадет, который прожил под рукой турецких султанов многие годы, вступал на родную землю неуверенной ногой. В Бахчисарае его ожидал разлад между оз-

лобленными братьями, грызня крымских вельмож, жаждущих наилучших привилегий своему роду. Хоровод этих недовольных и откровенно враждебных алпаутов с первых дней окружил нового крымского повелителя. Отныне хан Сеадет, обладавший нравом тонким и деликатным и не владевший и долей железной воли и жестокости, свойственной большинству Гиреев, вынужден был стать игрушкой в руках противоборствующих партий. Крым раскалывался на части. Распря и жестоким перебранкам на советах дивана не было конца. Крымские вельможи больше не думали о новых завоеваниях, их умы занимали проблемы сохранения собственных владений. Времена властного и воинственного Мухаммад-Гирея ушли в прошлое, и московский государь перестал опасаться нападения с полуострова. Перемена в ханстве Крымском готовила неизбежные и жестокие перемены в Казани. Могучая страна, прекрасная и обширная, неумолимо катилась к жерновам, готовящимся перемолоть её. Но в самом Казанском ханстве это пока мало кто осознавал.

Наступал год 1524-й.

